

№ 281
7-46
171191
Проф. В. Г. БОГОРАЗ (Тан)
ЦЕ КОПИРОВАТЬ

ЭЙНШТЕЙН и РЕЛИГИЯ

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ОТНОСИ-
ТЕЛЬНОСТИ К ИССЛЕДОВАНИЮ
— РЕЛИГИОЗНЫХ ЯВЛЕНИЙ —

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Издательство Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

/ 1923

2010512938

Петрооблит № 4422.

Тираж 5.000 экз.

Военная Типография Штаба Рабоче-Крестьян. Красной Армии.
(Площадь Урицкого, 10).

Предисловие.

Предлагаемая работа является попыткой распространить метод относительности, связанный с именем Эйнштейна и изобретенный в смежных областях математики, астрономии и физики, в первых звеньях классификации наук Конта, на другие области познания, в частности на исследование религиозных явлений, первобытных и иных.

Если верно суждение О. Д. Хвольсона ¹⁾, разделяемое ныне обширнейшим кругом ученых, о том, что «параллельно с ломкою старого, произошла постройка нового научного здания, по красоте и внутренней гармонии не имеющего себе подобных, и заложены основы нового миропонимания, гораздо более глубокого и полного, чем то, которое связано с именем Коперника», — если это действительно верно, то естественно стремиться распространить это миропонимание и на другие области познания.

Азбужу прочим, имя Эйнштейна является, конечно, не единственным, а только центральным именем целой плеяды современных ученых. Мало того, можно сказать, что все развитие современной астрономии, математики и физики в своем естественном движении вперед пришло к теории относительности.

Мне в частности в некоторых исходных пунктах пришлось опереться и на русского ученого, покойного профессора Н. А. Умова.

В изучении религиозных явлений теория относительности Эйнштейна представляет возможность нового неожиданного и до сих пор бывшего невозможным подхода.

Эта запутанная и сложная область явлений больше других нуждается в применении твердого научного метода, т.-е. прежде

¹⁾ Примечания в конце книги.

всего измерительного метода. Измерение пространства и времени, протяженности и промежутка, является, конечно, основой измерительного метода.

Только теория относительности дает возможность применить измерительный метод к религиозным явлениям, ибо она устанавливает, как основной принцип, что каждая система S, каждая область явлений—имеет свое собственное пространство и свое собственное время, и только с этой точки зрения можно исследовать измерительные данные в религиозной области.

В предел изучения приходится ввести, кроме собственно религиозных явлений, и другие сопредельные области: явления личного экстаза и общественного психоза, сны, галлюцинации, некоторые проявления сумасшествия, истерии, гипнотическое внушение, алкогольные видения, так называемое «второе зрение», множественное сознание, раздвоение личности и пр.

В этом отношении этнограф, исследователь явлений первобытной человеческой жизни, находится в чрезвычайно благоприятном положении. Стоя постоянно у самых корней человечества, он привык объединять нормальное и аномальное, здоровое и болезненное, легенду и действительность, и относиться к тому и другому с одним и тем же осторожным и внимательным анализом. Его не удивляют чудеса, откровения, тайны, сходжение богов на землю и, наоборот, восхождение обитателей земли даже на седьмое небо. Ибо он привык к тому, что грубые духи папуасского или эскимосского мира, совершенно подобные людям, и почти материальные, производят ежедневно такие чудеса, пред которыми бледнеют подвиги позднейших чудотворцев, записанные в разные «писания».

Чукотские духи-охотники, которые ловят сетями мелкие души спящих людей, потом укладывают души в мешки, увозят их домой, режут на части, жарят, варят и едят, ничем не отличаются для этнографа от бесов христианских, которые мучат в аду души грешников, поджаривают их на сковородах, очевидно с такою же простейшей кухонною целью. Адская сковорода, вертел, котел, указывают ясно на связь бесов с древними духами охотниками.

Камчадалский ворон Кутх, похитивший у духов огонь для того, чтобы дать его людям, и греческий Прометей, похитивший огонь у Зевса, и еврейский Илья пророк, низведший молитвой своей огонь на жертву алтаря, и иерусалимский хри-

стианский патриарх, и ныне молитвой своей ежегодно низводящий небесный огонь на пасхальные свечи,—все это явления одного и того же порядка.

Этнограф-первобытник относится с одинаковым хладнокровием к естественному и сверхъестественному, к явлениям веры и галлюцинации, и самообмана и просто обмана, со всеми переходными оттенками, например, от полуискреннего обмана жреца к простой вере обманутой паствы, причем настроение веры, сгущаясь от резонанса толпы, возвращается назад к первоисточнику и превращает частичный самообман жреца в полный самообман, в ассимилированную веру.

Все эти явления для этнографа суть только данные для исследования, и он принимает их, как факты, так же точно, как психиатр принимает видения своих больных тоже как факты психиатрического исследования.

В дальнейшем изложении я буду для краткости говорить обо всех этих данных и фактах, внутренне воображаемых, рожденных самообманом или вовсе обманом, как будто они действительно существуют. Таким образом: «шаман, отправляясь в сверхъестественный мир, сперва непременно погружается под землю (с бубном или без бубна)» означает, разумеется, вовсе не факт, а только представление о нем.

Точно также и вознесение Христа на небеса или сошествие богородицы в ад, тоже заключает не факт, а лишь представление о нем.

Для первобытника этнографа между вознесением шамана и вознесением какого-либо другого сверхъестественного образа нет по существу никакого различия.

Я оставляю в стороне элементы обмана, частичного или полного, которыми сопровождаются так часто различные проявления религии, от весьма первобытных до сравнительно высших форм. У самого корня этого странного дерева духовной культуры мы видим массовое внушение, механические и психические фокусы и штуки, которые сделали бы честь любому спиритическому медиуму и просто любому фокуснику. Шаманство, конечно, не составляет исключения, и я мог бы рассказать целый ряд довольно поразительных трюков, свидетелем которых мне пришлось быть. В тайны некоторых из них мне удалось проникнуть. Другие так и остались неразгаданными.

Для того, чтобы не загромождать изложения, приведу только один пример. Было это на острове Святого Лаврентия

который лежит на севере Берингова моря и принадлежит географически к Азии, а политически к Американской Аляске, ибо Россия продала его Соединенным Штатам заодно с своими американскими землями. Место это чрезвычайно глухое, редко посещаемое даже американскими китоловами. Единственный посело́к, уцелевший на острове от болезней и голода, населен азиатскими эскимосами. Комиссаром острова в 1899—90 году состоял американский врач, он же баптистский священник, доктор Лерриго.

Шаманство на острове пришло в упадок, так как американцы смотрят на него неодобрительно. В сущности остался один шаман, Ассунарак, глубокий старик, потомок старого шаманского рода. После многих отнекиваний он показал мне несколько образчиков своего искусства. Один трюк был такого рода: он предложил мне набросить на его голые плечи концы большого красного американского одеяла. Руки шамана были скрещены на груди, но одеяло каким-то чудом прильнуло к его спине.

— «Держи крепче!» — приказал он, нагнулся и пополз из внутреннего помещения. Я крепко держал одеяло за два свободных конца. Одеяло натянулось и потянуло меня за собой. Я уперся ногами в нижнюю поперечину, скреплявшую остов шатра. И вот, о диво, весь шатер начал вставать дыбом. Справа и слева блеснула луна. Я упорствовал. Весь шатер перекосялся. Груда посуды, лежавшая в углу на шкурах, со звоном рассыпалась. Наконец и ушат с тающим снегом и водой опрокинулся и пролился. Тогда, утраченный, я выпустил концы одеяла. Старик немедленно уполз из шатра, как змея, и крикнул мне оттуда с торжеством: «А что, одеяло-то мое!» Я оглянулся, кругом все было на своих местах. И широкие стены тяжелого шатра, и ушат с водой, и посуда—все имело свой прежний вид. Очевидно, это был случай психического внушения без подготовки, без всякой коллективности, наедине с шаманом.

Немудрено, что при коллективных действиях сила внушения во много крат усугубляется и действует с поразительной силой.

Теория относительности дает возможность внести в изучение этих явлений начало измерения и исследовать соотносительную величину духов, людей и колдунов, даже в графическом их изображении, сопоставить, как два противоположных полюса, еврейского бога Ягве, пред которым вселенная, как

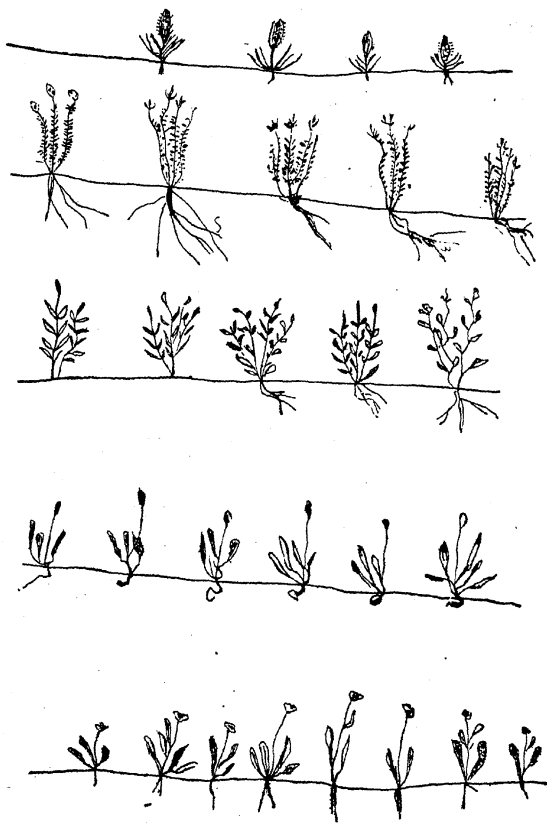

Рис. 1. Растения северной тундры.

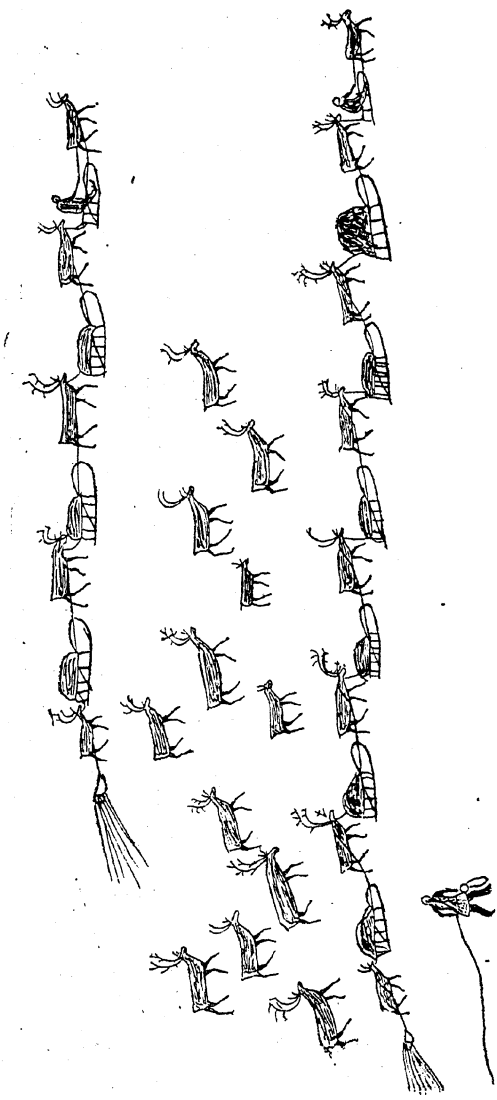
подножие нег его, и индийского Будду—богочеловека, который вырос настолько, что совсем заслонил и даже уничтожил богов,—говорить о внутреннем времени экстаза, в сравнении с его внешним временем, исследовать область так называемых вневременных совпадений, которые связаны с эйнштейновским отрицанием мировой одновременности, абсолютного и одинакового времени для всего мироздания.

Я использовал в этой работе преимущественно первый из принципов относительности, так называемый специальный принцип. Второй, общий, принцип относительности будет использован, как основание для следующей работы, вытекающей из первой и представляющей ее естественное развитие.

Работа моя одновременно писалась по-русски и по-английски, как в первоначальном наброске, так и в более распространенной форме. Английское изложение назначено для напечатания в Записках Американского Музея Естественных Наук в Нью-Йорке (*Memoirs of American Museum of Natural History of New-York*). Русское изложение представляется ныне благосклонному вниманию читателей.

В основу работы своей я положил материал, относящийся к первобытному шаманизму и анимизму, преимущественно из собственного круга наблюдений, из круга племен северовосточной Азии, как чукчи, коряки, юкагиры, азиатские эскимосы и т. д. Я положил свои собственные наблюдения в основу фактического материала для большей глубины анализа, ибо исследование явлений религиозных требует по возможности более глубокого проникновения в предмет. В дополнение к этому я привожу довольно многочисленные факты, позаимствованные из других стран и от других племен. Было бы, конечно, возможно привести гораздо более подтверждающих и объясняющих фактов этого рода. Вторая часть работы относится к так называемым высшим религиям, а также к сопредельным религии психическим областям, перечисленным раньше.

Приводимые рисунки, исполненные чукчами и азиатскими эскимосами, позаимствованы из моего собрания рисунков первобытных племен, относящихся к тому же народному кругу северо-восточной Азии. Некоторые из этих рисунков были опубликованы в моих предыдущих работах, английских и русских, другие появляются впервые.

Умс. 2. Кочевой поезд богатого оленевода.

К крайнему сожалению, современные условия типографской работы не дают возможности воспроизвести соответственные рисунки из ассирийской, египетской, и даже христианской космогонии и мифологии, и мне пришлось только в некоторых случаях ограничиться словесными описаниями.

Из чукотских рисунков многие весьма любопытны с художественной стороны. Их можно сопоставить с рисунками гренландских эскимосов, с пещерными рисунками французского палеолита, с бушменскими рисунками на скалах, с такими же рисунками австралийцев и пр. Чукчи рисуют охрой и оленьей кровью на гладких деревянных дощечках. Рисунок обыкновенно относится к животным и имеет значение охотничьего заклинания.

Я давал им для рисования карандаш и бумагу. И было удивительно видеть, как искусно и умело заскоруждые пальцы первобытного охотника справлялись с невиданными раньше орудиями письма. Рисунки относились к животным, растениям, людям, изображали бытовые сцены, и, вследствие моих постоянных распросов, также и духов и вообще сверхъестественный мир.

Животные и люди неизменно изображались на бегу, в рискованных позициях, похожих на отдельные снимки кинематографической ленты.

Первобытное восприятие жизни и физического мира вообще кинетично. Первобытный человек ощущает свою собственную жизнь прежде всего, как движение, и окружающий мир представляется ему не только вечно живым, но и вечно движущимся, несущимся прямо на него, и мимо него, и пляшущим вокруг него. Реальная формула анимистического восприятия мира есть сочетание бесчисленных образов материальных и полуматериальных, духов, зверей и людей, постоянно меняющих форму и место, в особенности по отношению к воспринимавшему центру—человеку.

В связи с этим кинетично также и графическое изображение мира. Не только люди и звери изображены бегущими и птицы летящими, но также и копья и стрелы представлены брошенными в воздух. Глаз первобытного человека, как будто живой кинематограф, и ни одно движение не остается не уловленным. Сказанные слова изображаются зигзагообразными линиями. Получают графическое выражение даже гнев, любовь и другие человеческие страсти.

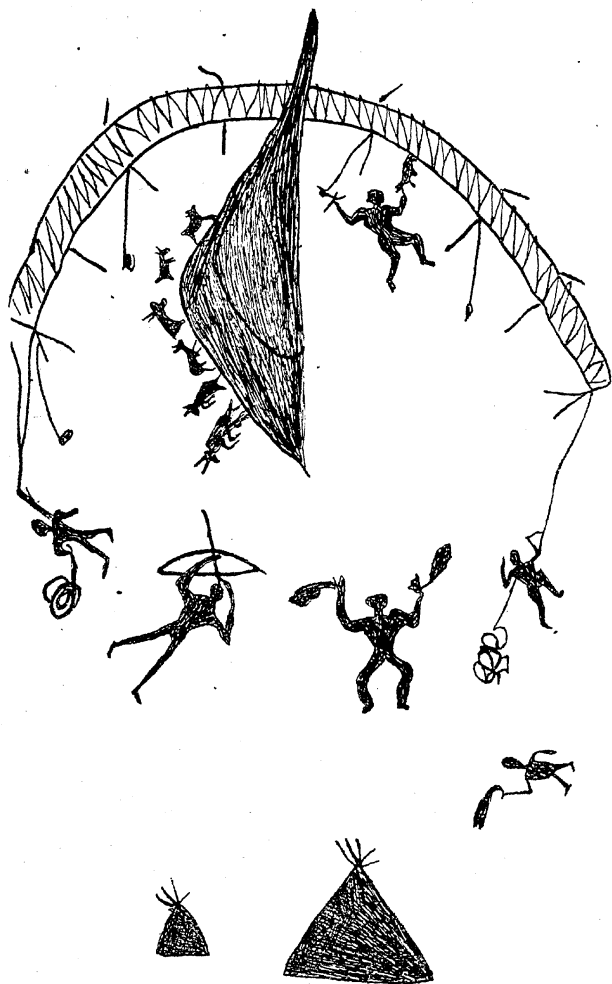

Рис. 3. Охота на зайцев с сетями.

Рисунок № 1 изображает растения северной тундры. По этому рисунку американские ботаники могли определять научные виды.

Рисунок № 2 изображает кочевой поезд богатого оленевода. Оба эти рисунка принадлежат одному и тому же лицу. Они нарисованы очень тонкими чертами и представляют известную стройность композиции.

Рисунок № 3, изображающий охоту на зайцев с сетями, грубее по исполнению и вместе сложнее по композиции.

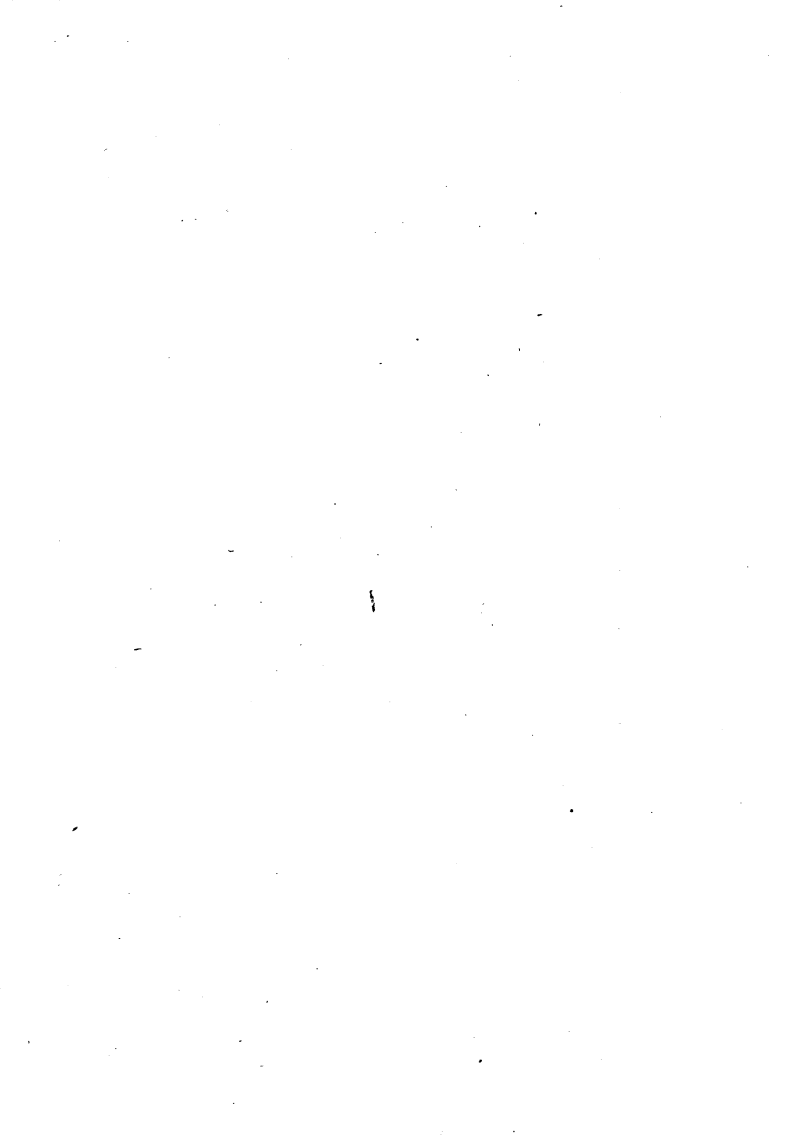

Рис. 4. Женская драка.

Рисунок № 4, изображающий драку женщин,—работы того же исполнителя, что рисунок № 3. Он проявляет неожиданное и инстинктивное умение располагать штриховку выпуклости.

Между прочим, нужно отметить, что ребяташки, помогающие в драке матерям, изображены непропорционально маленькими. Здесь очевидно отразилось первобытное воззрение, что существа подчиненные, подвластные другим, представляются уменьшенными. В дальнейшем изложении это уменьшение «подвластных» образов играет существенную роль.

Другие рисунки, сделанные хуже и небрежнее, напротив того значительны по содержанию. Люди, рисовавшие эти рисунки, движимые духом соревнования с более искусными товарищами, старались компенсировать свою неумелость значительностью темы. Они представляли с одной стороны сцены из жизни, случаи убийства, насилия над женщинами, борьбу, бег. С другой стороны, они старались изобразить графически легенды и сказки, данные из мифологии и космогонии, черное и белое шаманство, погребальные обряды, празднества и заклинания. Некоторые из этих рисунков драгоценны по богатству содержания, которое всегда сопровождалось подробнейшими объяснениями. Таким путем получались сведения, которых иначе никак не получишь.

Введение.

Изучая работы Эйнштейна, Минковского, Маха, Умова и некоторых других, особенно в их популярном изложении, рассчитанном на психологию читателей, я с удивлением увидел ряд совпадений с другими материалами, вначале довольно необъяснимых. Когда эти ученые пытались превратить свои отвлеченные формулы в конкретные психические образы, они неизменно давали картины, комбинации деталей, подобные рассказам и легендам фантастического или полуфантастического характера, распространенным среди первобытных шаманистических племен и также среди более культурных народов.

Можно было бы сказать, что идеи современных ученых физиков и математиков, воплощенные в конкретные образы, имеют вообще шаманистический, легендарный характер. Я уже не говорю о таком писателе, как Уэллс, который в различных драматизированных этюдах (рассказах) постоянно пытается найти психическое выражение для парадоксов новейшей механики и физики. Одна часть этих этюдов между прочим объединена под общим заглавием: «Рассказы о пространстве и времени», что имеет ближайшее отношение к моей основной теме.

Два этюда Уэллса «Случай с глазами М-ра Девисона» и «Новейший ускоритель» я счел возможным ввести в изложение в виде наглядных примеров.

Но прежде всего приведу несколько примеров из более ученого круга изложения, не имеющих формы беллетристики.

№ 1. «Допустим, что утомленные моею речью, — говорит профессор Умов, — все присутствующие, в том числе и я сам, заснули так крепко, что не почувствовали, как мы все и этот зал, получили прямолинейное равномерное движение в пространстве, со скоростью света и в направлении от вас ко мне. Что про-

возбужден в этом движущемся зале для сторонних наблюдателей, скажем, для жителей земли, находящихся вне этого зала.

«После того, как зал двинулся со скоростью света, я уже не мог проснуться или, правильнее, мое пробуждение продолжится целую вечность, в моей мысли застыл тот сон, который заполнял ее в момент начала движения. Я потерял способность суждения и произвольных движений; я остаюсь в неизменной позе. Замолкли силы, поддерживающие жизнь, а также и ее разрушающие. То же произошло и с вами, и со всеми силами, которые действовали в этом зале. Наши часы остановились. Для нас нет более времени. Нам с застывшими мыслями и чувствами нет больше места ни в жизни, ни в смерти. Наш удел бессмертие. Какой же вывод мы сделаем из этого застывшего состояния?

«Для кого бессмертны наши движущиеся двойники? Не для себя. Они просто спят и видят один и тот же сон и чувствуют себя так же хорошо или дурно, как мы, когда спим. Для «сторонних наблюдателей, часы в движущемся зале представляются остановившимися и все происходящие в нем процессы—бесконечно медленными. Мы станем стариками, будем при смерти, а для наших двойников будет длиться одно и то же мгновение. Что же случилось с человеческим представлением о времени? Куда девался тот абсолютный смысл, который мы ему приписываем?» 2).

Эта замечательная по пластичности картина, конечно, чрезвычайно знакома всякому, кто сколько-нибудь постиг детские сказки. Это «Очарованный замок», «Заколдованный лес», «Спящая красавица».

Сходство это не только наружное, но также и внутреннее. Ибо самая суть неподвижности заколдованного мира в том и состоит, что мгновение застыло и превратилось в вечность, притом превратилось в вечность не для жителей очарованного замка, а для нас, «сторонних наблюдателей, стоящих вне замка. И как только кто-нибудь из нас, «Принц Прелестный», перешагнет через порог этого замка, очарование нарушится, вечность опять превратится в мгновение—и замок проснется.

В дальнейшем изложении мне придется коснуться этого замечательного состояния более подробно. Пока же укажу, что легенда об очарованном замке попала в детскую литературу из народного фольклора и варианты легенды существуют у различных народов земли.

№ 2. «С уменьшением скорости движения зала время на наш взгляд начинает течь и тем скорее, чем более эта скорость приближается к скорости движения земли. Сравним этот процесс с изменением скорости движения кинематографа.

«Лента кинематографа приходит в движение; картины сменяются на экране с определенной скоростью, и вы, находящиеся в покое, в стороне, получаете впечатление жизни, движения. Люди двигаются, страдают, разыгрывается драма, часы идут. Для вас, как для наблюдателей, темп этого действия, ход часов, быстрота поступков людей, а следовательно и быстрота их суждений, зависит от скорости движения ленты, но люди на ленте не замечают никакой перемены. Они не могут определить, быстрее или медленнее текут явления. Кинематограф представляет вам чрезвычайно медленно разворачивающуюся драму. Вы удивляетесь, как слабы страсти у действующих лиц. Но они слабы для вас, наблюдателей, для них самих они так же сильны, как и ваши страсти для вас.

«Не замечаете ли вы, что утрачивается представление о времени, как о чем-то абсолютном, утрачивается представление об абсолютном темпе явлений природы. На земле, движущейся с определенной скоростью, явления — это лента кинематографа, движущаяся с определенной скоростью. Для другой планеты — другой кинематограф с другой скоростью.

«Фигура на кинематографе планеты наблюдает картины кинематографа земли. Конечно, происходящее на земле тот наблюдатель увидит совершающимся не так, как это видит житель земли.

«Но и на земле есть движущиеся тела. Для каждого из них существует свой кинематограф. Его лента идет со своею особой скоростью»²⁾.

Вариант этой картины, а именно развитие идеи последнего абзаца, представлен в рассказе-этюде Уэллса «Новейший ускоритель». Суть рассказа состоит в том, что два наблюдателя выпив новейшего патентованного ускорителя, изобретенного профессором таким-то, изменили течение собственного времени, растянув его до чрезвычайности. Один из них роняет стакан. Ему кажется, что падающий стакан чуть движется. Он поводит под него руку и ловит его тихонько в воздухе. На улице им кажется, что скачущая лошадь движется медленнее, чем сонная муха, колеса экипажа чуть вертятся и т. д. Ускоритель перестал действовать и наблюдатели возвращаются

к прежнему обычному времени. Но рассказчик прибавляет под конец: «Я написал этот рассказ под действием другого приема ускорителя, растянув свободные пять минут в пол-дня».

Уэллс таким образом считает возможным для одного и того же сознания переходить от одного ощущения времени к другому.

Мы встретимся в дальнейшем изложении с такими различиями ощущения времени, свойственного разным существам реального и фантастического мира. Однако, в отличие от Уэллса, мы увидим, что совмещение двух различных ощущений времени в одном и том же сознании совершенно невозможно. Мало того, мы увидим, что вообще совмещение различных мироощущений может быть только вневременно, независимо от времени.

Это положение с большою наглядностью выявлено в следующем примере.

№ 3. «Представьте себе наблюдателя, который оторвался от собственной системы (планеты) и совершает путешествие в пространстве. Если бы он путешествовал безостановочно в течение 15 лет со скоростью 60 верст в час (скорость железнодорожного поезда), оказалось бы, что его часы отстали от земных часов всего на одну полуторамилионную долю секунды, т.-е. на промежуток времени, который мы не в состоянии подметить. Но если бы тот же наблюдатель—пусть ему до путешествия будет 20 лет—двигался бы со скоростью равной $\frac{14}{15}$ света, т.-е. со скоростью 280,000 километров в секунду, и притом безостановочно в течение 40 лет, то часы его отстали бы ровно на 27 лет. Ему стало бы таким образом 33 года, между тем как его оставшиеся в живых сверстники имели бы за собою 60 лет. Значит, наблюдатель, если имел бы на земле сына, мог бы, через 40 лет путешествия, оказаться моложе этого сына».

Дело, однако, в том, что сопоставить наблюдателя с сыном в конце путешествия можно только мысленно. Ибо чрез 40 лет путешествия между ними будет лежать все это пройденное наблюдателем пространство.

Эта невозможность, противоречивость реального сопоставления двух представителей различного ощущения времени представлена не менее рельефно в нижеследующей чукотско-эскимосской легенде.

Такой-то шаман отправился странствовать в далекие страны полубаснословные или вовсе сказочные. Через год или две, вообще через неопределенный промежуток времени, он возвращается назад. Он еще в полной силе, в полном цвету здоровья. Но родное селение его совершенно изменилось. Жилище его развалилось. Он оставил когда-то дома жену и малолетнего сына. Но они исчезли. Он встречает на дороге старика с седой бородой и спрашивает его о сыне. Оказывается, что этот старик и есть его собственный сын. Два года путешествия по сказочным странам—на земле протекли, как целая человеческая жизнь. И странник вернулся обратно моложе своего собственного сына.

До сих пор сходство легенды с примером из новейшей физики совершенно точное. Но дальше легенда как бы возражает: такое совпадение несовместимо.

Узнав своего сына, отец тотчас же падает на месте и рассыпается от ветхости. Им овладело земное время и подчинило его своему собственному закону.

В чем состоят причины этого замечательного сходства построений новейшей физики с легендами первобытности? Очевидно в том, что первобытное сознание, как и современное сознание, имеют одинаковый метод восприятия мира, и оба действуют на основе тождественных взаимоотношений субъекта и объекта, наблюдателя и наблюдаемого.

Ибо современная математическая физика со всей гениальной сложностью своих математических фигур в конце концов приходит к упрощению и как бы возвращается к полунинстинктивному мироощущению первобытного сознания, еще не искушенного и не спутанного формальной схоластикой номинальной философии. Пути этого сходства будут разработаны полнее во второй моей работе, посвященной общему принципу относительности.

Между прочим в рассмотрении последнего примера мы вплотную подошли к шаманизму. Мы приступим поэтому к анализу шаманизма и шаманистического мировоззрения, с точки зрения относительности.

ГЛАВА 1.

Шаманство, шаманизм, вместе с родственным ему анимизмом, являются не только особою формою религиозных воззрений человечества. Они представляют целую систему первобытного мышления, круг ощущений и идей, относящихся к предметам, фактам и действиям, как материальным, так и психическим, духовным. Можно поэтому разбирать анимизм и шаманство с точки зрения их основных идей, основных ощущений. Можно говорить о математике, физике, искусстве, литературе, философии шаманства.

Следует сделать хотя вкратце определение анимизма и шаманства. Анимизм представляет себе весь мир наполненным духами и все материальные предметы и явления одухотворенными, обитаемыми для каждого особенным духом. Духи эти вообще полуматериальные и подобны во всем человеку. Они составляют племена и поселки, ведут между собой войны. Человек служит для них дичью, предметом охоты.

Шаманство относится к воздействию самого человека на этот анимистический одухотворенный мир. Шаман влияет на духов символическими, магическими средствами, одних подчиняет своей воле и делает их своими духами помощниками. С другими он борется, нападает на них и убивает их, охотится за ними точно так же, как духи охотятся за человеком. Духи помощники шамана помогают ему в этой борьбе с другими свободными, не укрощенными духами.

Символика и магия шаманства в сущности похожи на детскую игру. Они основаны на том же начале замены большого и сложного явления маленьким и упрощенным символом.

Например, для того, чтобы вызвать дождь, негритянский шаман кладет на землю венок, связанный из прутьев, и принимается брызгать на него водою изо рта, рассчитывая этим символическим действием повлиять на тучи и побудить их к подражанию.

Для того, чтобы навести болезнь на человека, шаманы и колдуны решительно всех племен и стран делают фигурку восковую, травяную или глиняную, нарекают ее именем человека, обреченного болезни, и потом колют ее иглой или шилом. Каждый укол шила на глиняной фигуре есть одновременно укол болезни на живом человеке.

В сущности это то же самое, что детская игра в куклы.

В дальнейшем изложении мы встретим различные примеры шаманской символики и магии.

С другой стороны, при помощи этой символики шаманы ведут постоянную борьбу с духами, нападают на них и защищают от них обыкновенных людей.

Практика шаманства в связи с анимизмом как будто является в виде постоянной пропорции. Шаманы относятся к духам, как духи относятся к людям. Причем крайние члены пропорции—шаманы и люди—конечно, тождественны.

Впрочем и обыкновенные люди тоже являются охотниками. Они охотятся за зверями. И звери поэтому в сказках относятся к людям панически, как к злым духам. Чукотское присловье гласит: «человек для оленя злой дух». И в самоедской сказке убегающие самки оленя называют охотника враждебным духом, в русском переводе просто «чортом».

Все первобытное восприятие мира на степени шаманства по существу религиозно. Для первобытного человека естественное постоянно сплетается с сверхъестественным и обыденное с чрезвычайным. И объяснения явлений сами собой возникают в порядке магического колдовства и религиозного оживотворения.

Например, столь важная для первобытного человека охота воспринимается не только как состязание в ловкости и хитрости охотника со зверем. В гораздо большей степени охота воспринимается, как состязание в магическом искусстве человека и животного. Удача в охоте определяется колдовством, сверхъестественным воздействием, заговором, заклинанием.

Опора на магическую силу ничуть не ослабляет физической ловкости и силы охотника. Напротив она укрепляет ее и придает ей особую упругость и неутомимость.

Термин: сверхъестественный я употребляю потому, что первобытный человек, хотя и постоянно смешивает и чередует сверхъестественное и естественное, все же имеет представление об их существенном различии. Враждебный дух,

охотящийся за человеческими душами, о котором упоминалось выше, при всей материальности своей все же отличается от обыкновенного человеческого охотника. Он обыкновенно невидим человеку, он может двигаться не только на земле, но также под землею и над землею в воздухе. В этом уже и лежит различие явления сверхъестественного от явления естественного. Об этом придется говорить подробнее потом.

Влияние колдовства на удачу в охоте состоит в следующем. Колдовство связывает волю животного, делает его «благомыслящим», добрым или просто покорным, и во всяком случае «мягким к удару», т.-е. хлипким на рану. И если этого нет, то и оружие не попадает, и нанесенная рана не бывает смертельной.

Так тунгусы, окружившие медвежью берлогу, поют: «Дедушка медведь! Наша бабушка, а твоя старшая сестра Дантра, велела, говорила тебе: «Не пугай нас, умри».

Если медведь «благомысленный», он сейчас же послушается, «подставит бок» под копьё и умрет от первого удара. Тогда и смерть для него будет легка и даже приятна, «вроде щекотки». Строптивый медведь может оказать сопротивление, даже убить охотника, но зато и смерть будет тяжелая и злая.

Между прочим формула этого заклинания включает в себе указание на так называемую систему материнского родства. Медведь в качестве предка является не отцом, а братом матери—прародительницы людей.

Если сопоставить с этим, например, слова Магомета карам: «Уважайте финиковую пальму. Она ваша тетка по отцу»—мы видим во втором случае систему отцовского родства. Финиковая пальма является не матерью, а сестрою отца.

Надо, однако, вернуться к воздействию колдовства на охоту. Эскимосские охотники говорили мне: «Ты думаешь, это мы, мужчины, убиваем тюленей и моржей? Ничуть не бывало. Это женщины, сидя у домашних очагов, колдовством заставляют зверей подходить к берегу и подставляться под удары».

В связи с этим на различных эскимосских рисунках, изображающих охоту на тюленей, существенное место принадлежит шаманам и шаманкам, сидящим на берегу и творящим заклинания.

Относительно связи женщин с заклинаниями и вообще религиозными обрядами можно привести свидетельство другого порядка, а именно из Географии Страбона³⁾: «Очевидно, счи-

тать неженатых людей поборниками благочестия и курителями благовоний—противоречит здравому смыслу, ибо все считают женщин виновниками культа богов. Женщины призывают мужчин к служению богам в важных случаях, к участию в праздниках и молитвах. Редко случается, чтоб мужчина, живя без женщины, был особенно ревностным исполнителем религиозных обрядов».

Мысль, выраженная Страбоном, очевидно, совпадает с мыслью, выраженною моими эскимосскими знакомцами.

Старый чукотский охотник за лисицами, расставлявший капканы в лесу, говорил: «Мне нет надобности ежедневно осматривать капканы. Я и так знаю, когда попадется лисица. Мне снится в эту ночь рыжая женщина, которая нападает на меня. И если в конце концов она покоряется мне и мы имеем любовь, то, значит, лисица попала».

В этом замечательном примере магическое воздействие разыгрывается драматически и притом не на яву, а во сне. К этим обеим особенностям мне придется вернуться потом. Можно отметить также и половой элемент, отношение мужчины и женщины, которое одновременно является смертельной борьбою и любовью. Впрочем, эту сторону вопроса мне придется оставить вне рассмотрения.

Точно такие же воззрения о связи колдовства с успехом на охоте существуют и у множества других племен. Так, Скинер в своей новой работе о культуре народа Меномини (Сев. Амер.) говорит: «Охотники народа Меномини прибегают не только к ловушкам или капканам, чтобы ловить дичь. Они употребляют множество магических формул, чтобы одолеть добычу символикой или магическим внушением. До настоящего времени никакой охотник, как бы он ни был ловок, ни на минуту не говорит, что он может иметь какой-нибудь успех без помощи заклинаний и всяческих чар»¹⁾.

Вся жизнь первобытного человека наполнена и перевернута заговорами и заклинаниями. Заговор это символическое действие, условная формула в драматическом, активном воплощении. В пассивном состоянии заговор обыкновенно бессилён. Но в момент своего воплощения он имеет повелительную власть над миром. Для этого заговор надо разыграть или по меньшей мере произнести.

Самые обыденные явления жизни подвластны особому заговору. Несколько человек едят вместе из одного котла с мя-

сом. Заговором можно замедлить проворство товарища, так, чтобы самому осталось больше. Есть заговор для сокращения слишком длинного пути, женский заговор для того, чтобы похлебка в котле варилась гуще и жирнее, другой женский заговор, чтобы нитки, ссученные из оленьих сухожилий, были крепче. И если забудешь подробности заговора, то есть особый заговор для оживления памяти. Другие заклинания и заговоры относятся к любви, к родам, к смерти и погребению.

Точно так же и Скиннер говорит о Меномини⁵⁾. «Есть по меньшей мере восемнадцать любовных заклинаний, заклинание против неверности, заклинание для успеха в охоте и рыбной ловле, ряд заклинаний против змеиного укуса, заклинаний против нападения врагов и для защиты от порчи и всяких волшебных нападений со стороны неизвестных врагов».

Типичный пример драматического заговора—это чукотское лечение больного при содействии так называемых небесных старушек:—Шаман идет за шатер, находит две травяные кочки и представляет так, что он попал в надземную область к шатрам двух небесных старушек. Эти старушки между прочим по чукотской космогонии обитают по обеим сторонам рассвета, слева и справа. Шаман ведет с ними убедительные диалоги, упрасывая их помочь больному, потом срывает по былинке с каждой кочки и это воплощение старушек приносит обратно к больному в шатер. Шаман помещает их на видном месте поближе к больному, и старушки «лечат» больного. По окончании лечения шаман уносит «старушек» обратно в их дом, т.-е. на те же кочки, и оставляет им «плату» за лечение, обрезок ремешка, волоконец сушеного мяса и т. д.

Еще более драматическим обрядом, целым драматическим действием, является так называемое «воскрешение зверей», убитых на охоте. Это действие в самых различных формах существует у многих народов во всех частях света.

Эскимосский, чукотский, коряцкий и камчадальский варианты этого обряда связаны с так называемым благодарственным праздником голов и с китоловным праздником.

На этих праздниках головы или черепа зверей, убитых в течение известного периода времени, целые мороженые туши или, наоборот, мелкие частицы, взятые от каждой туши, глазное яблоко, обрезок сердца, кончик носа, уха, обрывок тюленьего лапа, раскладываются на шкурах или на травяных циновках перед самым огнем. Все это так называемые «гости»

праздника. Черепа и туши украшают длинными пучками мягкой травы, меховыми кисточками, разноцветными полосками кожи. «Гостям» подносят разного рода мясо. «Пусть обогрются гости,—говорят участники праздника.— Когда им станет тепло, они снимут прочь свои меховые шубы».

Это относится к мороженым тушам зверей, которые надо оттаять перед огнем, прежде чем снимать с них шкуру. Трава представляет новую одежду, поднесенную «гостю».

Как только туши ободраны, полураскрытые пасти зверей набиваются рыбьей икрой. Хозяйка взрезывает на туше в разных местах «карманы» и также набивает их икрой, в виде подарка гостям.

Люди восклицают: «Скажите своим братьям, что в этом доме хорошо принимают гостей! Пускай они тоже придут. Мы угостим их не хуже, чем вас!»

После того «гости» отдыхают. В доме должно быть совершенно тихо, чтобы не разбудить гостей. Впрочем, время от времени кто-нибудь тихонько постукивает в семейно-шаманский бубен и люди подпевают в полголоса.

Дальше начинается новый акт. Участники праздника разделяются на две группы. Одна, состоящая из женщин, представляет «гостей», т.-е. зверей, другая, состоящая из мужчин, представляет охотников. Женщины пляшут. При этом они визжат и лают по-лисьему, храпят по-оленьему, ревут по-медвежьи, воют по-волчьи, представляя зверей.

Мужчины топают ногами и кричат:

«Не мы вас убили!»

«Нет, нет, нет!»—отвечают женщины.

«Камни скатились с высоты и убили вас!»

«Да, да, да!»—подтверждают женщины.

После того хозяин и хозяйка собирают черепа, кости и всякие частицы зверей и все это выносят наружу. Кости и обрезки, относящиеся к сухопутным зверям, оставляют в поле птичьи косточки подбрасывают вверх, китовые, моржовые, тюленьи и рыбы частицы и кости бросают в море. Люди при этом восклицают: «Тюлени ушли в море! Кит ушел в море!»

Таким образом совершается, во-первых, воскрешение зверей для того, чтобы их порода не оскудела в будущем. Во-вторых, достигается примирение охотников с духами убитых зверей, а, в сущности говоря, с самими убитыми зверями. И наконец, в-третьих, обеспечивается возвращение этих зверей, а также их товарищей и братьев, в «гости» к охотникам.

ГЛАВА 2.

Сущность анимизма, как сказано выше, состоит в том, что мир предполагается наполненным духами. Духи эти в общем похожи на людей, но все-таки это не люди, а духи, отличные от людей.

Охотники за человеческими душами, о которых я говорил выше, ночью под'езжают к человеческому шатру на черных незримых оленях. Только яркие искры сыплются из оленьих ноздрей. Духи обметывают шатер со всех сторон сетями и начинают тыкать под полы шатра длинными шестами, чтобы выпугнуть наружу мелкие душки спящих людей. Таким образом, души попадают в сети. Охотники связывают пойманные души попарно и укладывают в мешки. Потом увозят их домой на собственные стойбища. Там жены духов режут добычу на части, варят в котлах, сами едят и кормят детей и собак. Духи живут племенами и деревнями. Они женятся, зачинают детей, рождаются и умирают точно так же, как и обыкновенные люди.

С другой стороны духи отличаются от людей. Они обыкновенно незримы, хотя могут быть видимы (например, шаману). Шаман является охотником за духами, «убийцей духов» — точно так же, как духи являются охотниками за людьми. Поэтому шаман сам видит духов, но духи не видят его.

Еще более существенное отличие состоит в том, что духи движутся иначе, чем человек. Движение духов, а также шаманов, способных вообще соперничать с духами, в некоторых отношениях можно назвать трехмерным.

Первобытному человеку мир вообще представляется трехъярусным, трехчленным. Верхний ярус — это надземный мир, нижний ярус — это подземный мир. Поверхность земли, на которой мы обитаем, это средний ярус. На различных рисунках эта трехъярусность мира изображается тремя полосами или тремя концентрическими кругами с размещенными в них соответствующими изображениями.

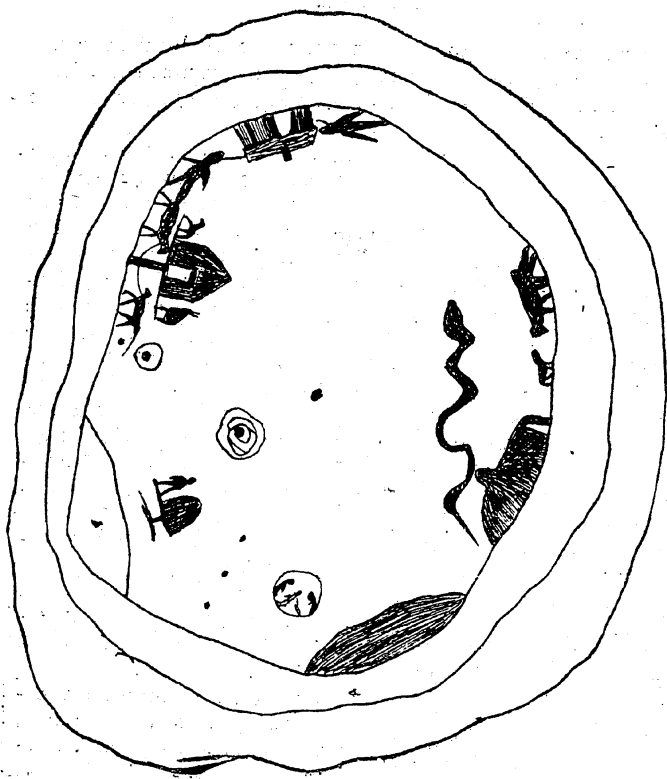

Рис. 5. Плоская карта трехъярусного мира.

На рисунке № 5 изображены три яруса мира в виде трех концентрических кругов. Содержание всех трех кругов расположено попеременно на одной и той же плоскости. В центре помещается полярная звезда. Чукчи, эскимосы и многие другие первобытные народы хорошо разбираются в звездах. Полярную звезду они называют «пастухом звезд», «неподвижным небесным столбом», «небесной коновязью», и даже различают особо движение планет, называя их «поперечно ходящими звездами».

На левой стороне рисунка солнце и месяц. На месяце изображен его хозяин с арканом в руке и брачная чета юных пленников, похищенных им с земли. Между солнцем и месяцем звезды Арктур и Вега, небесные «головы», которые тоже считаются пастухами звезд. Под месяцем черная гора Темноты. Еще ниже глиняная землянка, обиталище духов, враждебных человеку. Два таких духа стоят на четвереньках. Над землянкой извивается огромный небесный червь, с жалом в хвосте. Помимо этого жала небесный червь изображается в рассказах вообще, как боа-констриктор, он глотает оленей целиком, после того спит по целому месяцу. Небесные ребята бросают в него камнями и не могут разбудить.

Направо жилище Рассвета на помосте, подпертом центральной сваей. Четыре небесных собаки привязаны по сторонам. Направо пониже жилище Небесной Старушки. Справа и слева привязаны двое духов-убийц, пленных, на веревках. Налево повыше одинокое жилище другой Небесной Старушки, тоже подпертое сваей. Под ногами у Старушки (налево вверху) Вечерняя Звезда.

На рисунке № 6 произведена любопытная попытка дать настоящую карту того же трехъярусного мира. В центре опять поставлена Полярная Звезда. Четыре пересекающихся линии представляют четыре стороны света. Слева и справа представлены солнце и луна в первой четверти. Звездное небо пересечено млечным путем. Между звездами видим Орион (а), Плеяды (b), Головы-Арктур (с) и Вега (d), Большая звезда слева вверху (е)—Венера. По сторонам небес расположены области Рассвета (налево внизу), Заката (направо вверху) и Тьмы (в середине внизу). У Рассвета голова в лучах. Он держит в правой руке блюдо с мясом, принесенным ему в жертву, а в левой руке лисицу, которую собираются дать взамен за мясо. Справа приближается другая лисица, а слева сидит

жертвенная собака и глядит ему в лицо. Лисица и собака тоже подлежат размену с людьми. Круглые жертвенные блюда стоят на земле.

Закат с семьей своею справляет праздник подводного бога. Они украшены обрядовыми повязками. В средине поставлен обрядовый шест со значком. Дух Тьмы выходит из-под многоветвистого дерева.

Эта замечательная карта представляет настоящую попытку дать выпуклое сферическое изображение вселенной, между тем как рисунок № 5 можно бы назвать наброском плоскостным, в меркаторской проекции.

Рисунок № 6 несомненно выше всех греческих и средневековых попыток изобразить карту мира.

Эскимосы и чукчи вообще проявляют большое умение чертить географические карты. Английские мореплаватели в полярных областях 18 и 19 веков постоянно руководствовались в своих разысканиях эскимосскими картами, нарисованными на древесной коре, на доске и даже на бумаге.

Три яруса мира, путем расщепления верхнего и нижнего ярусов, могут обратиться в пять, семь, девять ярусов-миров. Средний земной ярус, разумеется, всегда остается нерасщепленным. Расщепленные ярусы верхнего и нижнего миров обыкновенно населены чередуясь, первый ярус враждебными духами, второй предками, покойниками, людьми, третий опять духами, четвертый опять людьми. Симметрия верхних и нижних миров вообще сохраняется. Мало того, все наполнение и расположение существующих миров, верхних и среднего и нижних, одинаковы вплоть до мельчайших подробностей. Это с большой рельефностью и силой выражено в чукотской повести о «Чесоточном Шамане». — «Где больше жизни: в надземной или в подземной вселенной? — Как раз одинаково. — Где больше рыб в море, дичи на поле, птиц в воздухе, — в надземной или подземной вселенной? — Как раз поровну. — Былинок в траве, листьев в лесу? — Как раз одинаково».

Вместе с тем мир надземный совпадает с областью расцвета и востока, зенита и полудня, вообще со всеми областями, относящимися к свету и солнцу, также с направлением вверх по реке и вправо от говорящего.

Мир подземный совпадает с областью заката и запада, надира и полуночи, т.-е. с областями, относящимися к ночи и

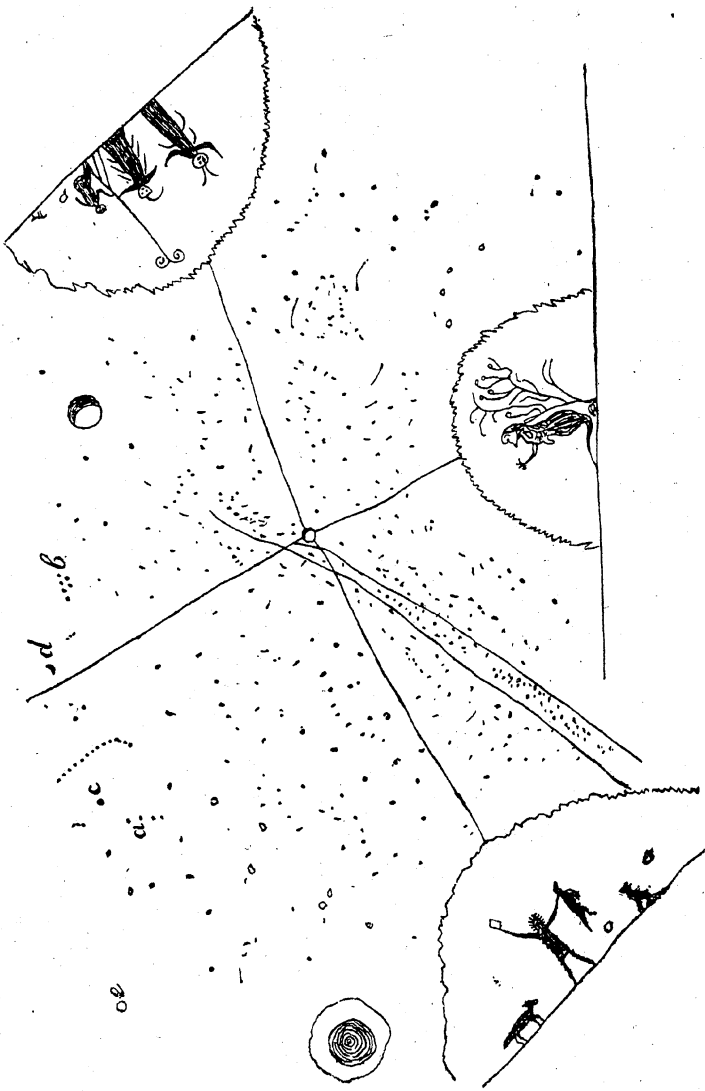

Рис. 6. Выпуклая карта трёхъярусного мира.

тьме (а часто и к луне), также с направлением вниз по реке и влево от говорящего.

Такое совпадение совершенно разнородных областей пространства является возможным потому, что хотя каждое из перечисленных представлений имеет пространственный характер, но их сочетание происходит, как мы увидим ниже, не в порядке соотношений пространства и времени, а в каком-то ином.

Во всяком случае представление о трех ярусах мира вообще имеет трехмерный характер, отчасти подобный трем измерениям, координатам пространства.

В различных сказках описывается, например, как человек пошел на восток и тем самым стал подниматься вверх и попал на небо, или, наоборот, пошел на запад и тем самым попал под землю, под нижнюю изнанку земли.

Особенность движения духов (и шаманов) в том состоит, что они обыкновенно движутся по всем трем ярусам, трем измерениям пространства. Дух ныряет под землю, потом выныривает из земли и взлетает на воздух, и на рисунке его движение имеет поэтому волнообразный характер. Во множестве рассказов описывается, как состязаются духи с шаманами в таком волнообразном, трехмерном движении, как иногда недостаточно искусный шаман, вынырнув из земли, вдруг «прикипит» и застрянет на грани миров,—ноги под землею, а голова над землею. Чтобы выручить его из такого катастрофического состояния, требуется чрезвычайное умение его более искусных товарищей и подвластных им духов—помощников, и это достается не легко. Подробности рассказа иногда напоминают оккультические идеи о «пассах», при помощи которых можно из мира земного попасть в мир потусторонний и вернуться обратно.

Такое трехмерное движение чрезвычайно характерно для духов. Например, в сеансе чукотского чревовещания появление духов знаменуется чуть слышным звуком, раздавшимся далеко в высоте, наискось, направо от шамана. Звук постепенно усиливается, превращается в звуковую бурю, пролетает через помещение и уходит в землю, наискось, налево от шамана, и так, постепенно слабея, исчезает в глубине.

Волнообразное свойство трехмерного сверхъестественного движения между прочим объясняет, почему шаман, впадая в транс и отправляясь в сверхъестественный мир, сперва непре-

менно погружается под землю (с бубном или без бубна), под землю уходит из шатра и только далеко снаружи выныривает и взлетает на воздух.

Есть, впрочем, и другой род между-мирового движения вертикально восходящий вверх. Такое восходящее движение поднимается к Полярной Звезде, к самому зениту небес, и потом проникает сквозь отверстие у ее подножия. Таким образом оно попадает в наднебесный мир. Дальше возможно подняться на вторые небеса и проникнуть сквозь вторую зенитную дыру во второй наднебесный мир. Полярная Звезда одна и та же во всех мирах, и у подножия ее повсюду зенитное отверстие.

Вертикальным движением восходят, например, мертвецы, сожигаемые на погребальном костре. Вместе с дымом они поднимаются прямо к зениту. Шаман верхом на орле, или прямо в орлином образе, желая проникнуть в поднебесное пространство, взлетает к зениту. Тут очевидно влияет наблюдение над восхождением дыма и полетом орла. С другой стороны, такое вертикальное движение имеет характер одинокий и спокойный. Спирально-трехмерное движение духов и шаманов связано с их борьбой, с состязанием.

Трехъярусное представление вселенной встречается во многих космогониях и религиозных системах, как первобытных, так и более развитых.

В индийском фольклоре, в Браманизме, Джаинизме и Буддизме, постоянно упоминаются три мира вселенной, т.-е. мир богов, мир людей и мир духов (подземный).

Что касается движения духов и шаманов, якутские шаманы, состязаясь с духами, согласно новейшим сообщениям, гоняются друг за другом сразу сквозь все три мира, надземный, земной и подземный.

ГЛАВА 3.

Если от общей характеристики движения духов перейти к определению их величины и протяженности, то сразу встречаешь другое замечательное свойство. Величина и протяженность духов имеет относительный характер и изменяется в связи с изменением различных условий обстановки и деятельности духов, шаманов и людей.

Люди, шаманы и духи в своих взаимных отношениях совершенно лишены какой-либо определенности размера. Первобытные люди хорошо сознают эту неустойчивость, изменчивость размера духов и других сверхъестественных образов. Чукотские шаманы не раз указывали мне: «Трудно понять, какие бывают духи, большие или маленькие. Посмотришь на духа—и он меньше мошки. Посмотришь опять—и он уже ростом с человека. И вот погляди: он уже сидит на утесе и ноги его стоят внизу на песке. Приглядишься к нему ближе: он кажется не больше пальца. Погляди на него издали, сквозь легкий туман—и он высится, как целая гора»⁶⁾.

Размеры людей и духов при их постоянных встречах постоянно меняются сообразно с характером каждой такой встречи и со всеми подробностями их взаимных отношений. Дух, нападающий на человека, ужасный охотник за душами, является огромным, гигантским, а люди и их души, напротив, являются малыми. Тот же самый дух, побежденный, укрощенный шаманом, напротив того, является маленьким, даже крошечным.

На чукотском рисунке № 7 изображены два духа, поедающие человеческую душу. Духи изображены огромными, волосатыми, с широкой зубастой пастью, душа—сравнительно тонкой и маленькой. На рисунке № 8 длиннорукий хищный дух гонится за человеческой душой поджарого тонкого вида.

В фигурах чувствуется усилие стремительного полета. Это один из моментальных снимков вышеуказанной трехмерной погони.

Прекрасный комментарий к этим чукотским рисункам можно позаимствовать из фольклорного материала, относящегося к другому концу земного шара, из австралийских рассказов о великанах Йаррома (7).

Йаррома—это как люди огромного роста, стелом волосатым и с широкою пастью, способные глотать по целому чело-

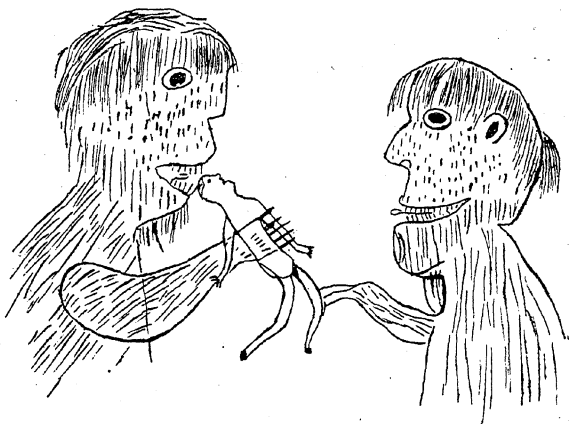

Рис. 7. Духи, поедающие человеческую душу.

веку. Они попадают по-двое и стоят на дороге спина к спине, так что им видно во все стороны сразу. Они передвигаются большими скачками, как кенгуру. Толкаясь ногами об землю, каждый раз они вскрикивают громко, словно ружье выстрелило или хлопнул бич. Ноги у Йаррома большие, и не такие, как у людей. Как только заслышишь крики Йаррома, надо тотчас остановиться и молча переждать, все время потирая рукою свои детородные части. Иной раз шаман или смелый, человек крикнет и сам, называя какое-нибудь место, как можно

подальше, чтобы Йаррома услышали и бросились туда. Но если Йаррома увидал в лесу человека и погнался за ним, спасение одно: добежать до озера, до пруда, до болота и броситься в воду. Йаррома не любит воды и боится промочить ноги.

Рис. 8. Погоня духа за человеческой душой.

Как-то один человек подошел к Фиговому дереву и стал собирать фиги; из дупла выпрыгнул Йаррома и сразу проглотил его.

На чукотском рисунке № 9 изображен охотник за душами, желающий проникнуть в дымовое отверстие шатра. Люди в шатре находятся в сексуальном возбуждении, что вообще облегчает нападение духов. Дух опять изображен огромным, с толстыми ногами и руками. Люди маленькие.

Для того, чтобы бороться с духами, шаман избирает себе из их числа особых духов-помощников, укрощает их и превращает в своих подчиненных. Процесс этот трудный и опасный. Шаман избирает часто самых огромных и опасных духов, таких, например, которые питаются живыми китами, с'едают по десятку белых медведей, по целому стаду оленей. Укрощение этих духов—вроде укрощения львов или тигров. Эскимос Чанга, из поселка Unhasik на мысу Чаплина, ходивший матросом на китоловном судне, побывал в С-Франциско

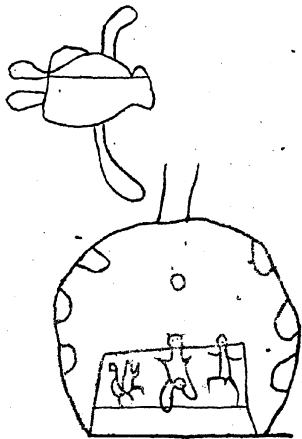

Рис. 9. Дух, нападающий на человеческий шатер.

и видел там в цирке укротителя зверей, «работавшего» со львами и леопардами. На мой вопрос об его впечатлении он ответил односложно по-чукотски: т'енгелин, т.-е. «дрянь». И потом пояснил: «Вот я укрощаю зверей пострашнее. Во-

первых, их не увидишь, и они на свободе. И у меня хлыста нет, только мое слово» (т.-е. заклинание).

Вообще первобытные люди в темноте больше боятся нападения духов, чем зверей. И яркий костер, сторожевая собака прежде всего защищают от духов. На северной тундре диких зверей мало, порой попадает волк, но он сам избегает людей. А люди между тем боятся темноты и одинокого ночлега не меньше, чем на юге.

Однако духи, укрощенные шаманом, огромные и грозные сами по себе, приближаясь к нему, уменьшаются и приобретают форму мелкую и безобидную.

Чудовища являются кузнечиками, жучками, мошками, крошечными человечками и т. д. Когда начинаешь знакомиться с шаманством, прежде всего поражает эта мелкота духов, вызываемых шаманом. Они нередко являются сотнями, шаман собирает их в бубен, трясет—и они сжимаются вместе и свертываются в комок. Потом он потряхнет бубном, духи просыплются по всему помещению, кишат и жужжат, выбиваются наружу, и, облепляя помещение со всех сторон густым слоем, защищают его от вражеского нападения.

Можно привести, как параллель, из «Искушения Святого Антония» Флобера, маленьких черных шакалов, которые становятся все меньше и меньше и потом наполняют кишашую массу всю келью отшельника.

Сюда же относятся алкогольные видения, кишашие чертеньями:

Ты в пузырьречк наловишь их сотню... (Нескрасов).

Деревенский колдун дает больной женщине наговоренную воду, в которой, если присмотреться, во множестве кишат и прыгают чертенята, не больше булавочной головки, как мелкая пузырчатая пена. Это между прочим практикуется в России повсеместно.

Духи-помощники умалаяются, только приближаясь к шаману. Удаляясь от него, они опять вырастают и принимают свой прежний огромный образ. Шаман вынимает амулет, клочек горностаевой шкурки, и посылает его на борьбу с враждебными духами. Он дунет на шкурку, она обращается в живого горностаю. Горностаю отправляется в путь и тотчас же превращается в белого медведя. Медведь проходит на берег моря и начинает тянуться через море. Задние лапы на этом

берегу, а голова и передние лапы достали через море. В таком виде он может вести борьбу с огромнейшими духами, охотниками за человеком.

Такое относительное представление о различных величинах духов отражается на многих рисунках. Так, на рисунке № 10 изображен женский дух, требовавший при встрече у человека жертвы. Он большой, в длинной бахромчатой мантии, с посохом в руке и с деревянным ковшом в другой. Он встретился са-

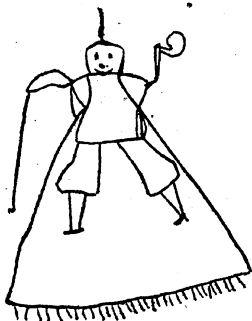

Рис. 10. Морской женский дух.

Рис. 11. Дух-Убийца.

тому рисовальщику на льду морском у берега и долго гнался за ним, размахивая посохом и ковшом и крича: «Сала, сала!».

На рисунке № 11 изображен так называемый «Дух-Убийца», т.е. дух смертельной заразы, оспы или гриппа, или кори. Все эти болезни, не исключая и кори, большей частью смертельны для инородцев. Чукчи между прочим называют заразные болезни «русскими духами», ибо они вообще приходят с запада, с «русской стороны». Русская сторона это западная вечерняя сторона, направление, откуда приходит вечерняя тьма и злые духи. Поэтому и русских вообще чукчи заодно называют «злыми духами», а если умеют немного говорить по-русски, то прямо называют «чертями».

Дух-Убийца на рисунке представляет высокую и толстую фигуру с длинными рогами и глазами, висящими на нитках.

Эта последняя подробность внушает особенный ужас. На духе широкая мантия. На голове у него высокая шапка странной формы вроде чалмы или короны, нахлобученная на уши. У него широкие штаны и огромные сжатые кулаки. Это изображение довольно часто встречается на чукотских рисунках. Боюсь что оно представляет отчасти посильную стилизацию русского казака или, страшно сказать, самого исправника, или, как знать, даже и самого российского царя. Впрочем, при расспросах, рисовальщики с довольно лукавыми минами отрицали наличие такой политическо - религиозной карикатуры.

На рисунке № 12 изображен другой Дух-Убийца, между прочим свесьма реалистическими подробностями. Он только что проглотил живого человека. Этот человек изображен в его желудке. Другого человека дух схватил за руку и поднял на воз-
дух.

Рис. 12. Дух-Убийца, глотающий людей.

На рисунке № 13 изображено шаманское действо. Шаман, сидя в шатре, бьет в бубен и зовет духов. Духи прилетают на зов. Они крошечные, один в образе птичьей, другой в образе лисы, третий в виде двух человеческих рук, соединенных вместе. Но все это совсем маленькое. По указаниям рисовавшего, духи гораздо меньше настоящей лисицы и птицы. В верхнем углу направо подводный бог Кереткуи с женою справляют обряд. Они больше людей, в парадных одеждах, украшенных множеством кисточек. Рисунок замечателен по технике. Кисточки на оригинале можно рассмотреть лишь в лупу. На рисунке № 14 изображены два духа-помощника в виде кузнециков, нарисованные особо.

Еще пример: в приведенном выше врачебном заклинании небесные старушки-помощницы, низведенные с неба шаманом,

изображаются тонкими былинками, сорванными с травяных кочек. Столь же мелки и подарки, отсылаемые с ними, прутики и листочки, изображающие мясо и шкуры. А между тем эти небесные старушки в сущности занимают целые небесные области, одна справа, а другая слева от Рассвета.

Столь же мелкими изображаются и самые грозные духи, когда они побеждены шаманами. В одном из заклинаний шаманка трясет и толкает стену шатра. Духи, обсевшие шатер

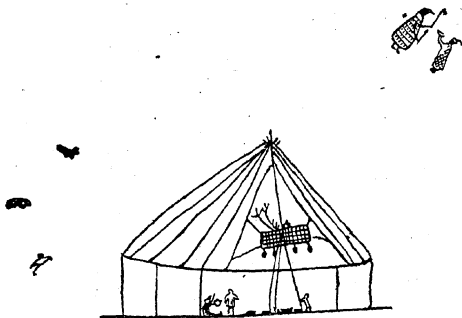

Рис. 13. Шаманское действо.

снаружи, сыплются прочь, как мошки. Шаманка собирает их в горсть и топит их в море.

Между тем, в других аналогичных заклинаниях и рассказах, так же в различных графических изображениях, эти же самые духи, в момент нападения, представляются неизменно огромными. Приблизившись к шатру, они поднимаются на-цыпочки и заглядывают сверху в дымовое отверстие.

Можно привести опять-таки множество примеров превращения Большого Нападающего в Малое Победенное и наоборот, Малого Нападающего в Большое Победенное.

Вот новорожденный младенец, в тело которого вселился враждебный дух,—по другим вариантам враждебный дух родился в виде младенца. Он встает из колыбели, превращается в гиганта, пожирает мать и всех людей в жилище, выходит наружу и с'едает все оленье стадо. Он все растет. Он может выпить целую реку.

Другой пример: шаман Рынтеу, мстя своим врагам и главным образом сопернице шаманке, вводит в шатер чудесным образом волшебную ягоду—бусину. Женщины бросаются к яркой подвеске, начинается борьба. Рынтеу бьет в бубен. Бубен вырастает, вырывается из его рук и закрывает дымовое отверстие. Бусина тоже начинает расти. Становится сперва, как шишка сверла, потом, как детская голова, потом как оленья свежее-вываленная брюшина, как круглая тюленья туша, как туша крупного тюленя лахтака, больше и больше, она наполнила весь дом и разможила все. Это постепенное нарастание величины любопытно отметить. Мы встретим его в другом месте.

Шаманские духи-помощники при всей своей покорности при случае могут быть опасны не только для врага, но и для собственного хозяина. Когда шаман посылает их на битву и они не могут осилить враждебных духов, особенно духов-помощников соперника, чужого шамана, неудачливые духи приходят в страшный гнев и, возвращаясь к хозяину в своем основном и страшном образе, убивают его.

С другой стороны души, унесенные духами и еще не убитые ими, оставленные про запас, тоже принимают крошечные размеры. Душа, украденная у мальчика, ходит по светильной площадке в жилище духов. Она не больше деревянной палочки заправки, которой передвигают моховую светильню. Ноги у ней, как тоненькие спички. Шаман, побеждающий духов и отнимающий украденную душу, уносит ее обратно в том же мелком образе. И когда он вкладывает ее обратно в макушку или в рот пациента, душа изображается хвоинкой, камешком, жучком и т. п. В данном случае имеет значение и то обстоятельство, что с мелкими предметами шаману удобнее манипулировать. Но основной причиной является взаимная относительность величины.

Якутский шаман точно так же, как и чукотские шаманы, упомянутые выше, выражал мне свое недоумение по поводу истинного размера духов. Он говорил, что духи, пока пребывают в своем собственном мире, бывают очень большие, огромные. Такими же большими, хотя и незримыми, приближаются

Рис. 14. Кузнечики-духи-помощники.

они к жилищу человека, замышляя нападение. Земной человек, шаман, приходит на выручку и гонит их прочь. Они упорствуют. Тогда шаман нападает на них—и они вдруг уносятся прочь, как бы гонимые ветром и, уносясь, уменьшаются в размере, сжимаются, как вялые листья, как капли росы, осевшей из тумана на тонкую траву, потом совершенно исчезают из глаз. Но вот они вернулись домой и вдруг сделались опять такими же громадными, как прежде.

Также и душа человека, по представлениям якутских шаманов, постоянно меняет свой образ. Душа человека вообще представляется крошечной. Дух болезни, преимущественно в женском образе, приходит к больному человеку. Женщина становится близко вплотную, протягивает правую ладонь и делает губами втягивающий звук: «прр!» Душа человека падает в ладонь, женщина с хохотом проглатывает ее и убегает прочь.

Однако та же душа человека, пойманная духами вживе и принесенная в дом духов, как живая добыча, принимает чаще всего обычный человеческий образ и размеры. «Не то было бы уж слишком мало мяса»,—говорят в объяснение якутские рассказчики. Но, отнятая у духов земным шаманом, душа человека является крошечной. Шаман, проявляя свою силу, зовет душу к себе и велит ей явиться. Она является, жужжа и кружась, как жучок, потом падает сразу в бубен, стучась, как камешек. И хотя совсем крошечная, она очень тяжела. Шаман мгновенно подхватывает ее с бубна и проглатывает, во избежание недоразумений с духами. И тут же начинает шататься и клониться назад от тяжести проглоченного. Помощники (люди) подхватывают его за пояс и помогают ему удержаться на ногах.

В известной европейской сказке о состязании волшебника с его учеником перед царской дочерью, они поочередно совершают ряд неожиданных и причудливых превращений. В конце концов ученик рассыпается просом. Волшебник превращается в петуха и склевывает все просо. Потом вскакивает на лавку и победоносно кричит «кукареку». Но одно маленькое зерно закатилось под каблук царской дочери. В нем—ученик. Он обращается в сокола и терзает петуха.

Сюда же относится и ряд рассказов о внеполовом зачатии из проглоченной хвоинки, листочка, зернышка, волокна мяса: Герой, полубог, шаман обернулся таким незначительным

предметом, девственница нечаянно проглотила его. Попав к ней в утробу, он мгновенно приобретает прежний вид и разрывает свою мать, или в более смягченном варианте, рождается, как должно, и тут же вырастает. Быстро вырастающие царские сказочные дети, вплоть до пушкинского царевича Гвидона, принадлежат сюда же.

Рассказы более культурных народов изобилуют примерами поочередного вырастания и убавления людей и духов в их взаимных отношениях.

Царь Соломон в сказке из «1001 ночи», наказывая Джиннов, поместил их в медных кувшинах, потом запечатал кувшины своей магической печатью и сбросил их в море. Джинны в свободном состоянии огромные, как облако. Но побежденные и наказанные Соломоном, они очевидно настолько убавляются в размере, что могут поместиться в кувшине.

Рыбак случайно вылавливает из моря запечатанный кувшин и ломает печать. Освобожденный Джинн выходит из кувшина и принимает свой прежний вид и прежние размеры. Теперь, чтобы принудить Джинна вернуться обратно в кувшин, надо победить его силой или хитростью. Тогда Джинн с'ежится снова и примет свою сокращенную пленную форму.

В другой сказке «Волшебная Лампа», тоже из «1001 ночи», Джинны являются на зов своего господина в неизменном гигантском образе. Эти Джинны связаны с материальными предметами. Они так и называются: «Слуги Лампы», «Слуги Кольца». Это, очевидно, соответствует так называемым «духам хозяевам» разных предметов, согласно представлениям первобытных народов. У чукоч, у эскимосов, у папуасов и у негров каждый предмет, мелкий или крупный, имеет особого духа — хозяина. Даже в ночном горшке живет особый дух, с голосом похожим на воронье карканье.

Впрочем, удвоение этих групп духов указывает на поздний вариант. Одна группа духов мешает другой и портит ее действительность. Вероятно в связи с этим общим искажением образа духи утратили свою изменяемость и застыли в неподвижности... Только в одном случае, когда один из Джиннов Лампы берет на руки целый дворец Аладина и бережно, как легкую игрушку, переносит его во внутреннюю Африку, соотносительность размеров в их уменьшениях и увеличениях снова выступает рельефно.

Дальнейшие примеры:

В песнях юго-западных славян, Пушкина—Мериме, в пьесе «Марко Якубович» в хату является упырь в виде великана.

И вошел великан, наклонившись.
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.

Заклинание его изгоняет. Он возвращается опять уже не таким большим.

И вошел человек неизвестный,
Был он ростом, как цесарский рекрут.

Изгнанный вторично, он является снова уже в образе карлика:

В третий день вошел карлик малый,
Мог бы он сидеть верхом на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.

Изгнанный в третий раз, он исчезает совершенно и больше не появляется. Здесь опять чрезвычайно выпуклый пример, как человеческое заклинание прямо убавляет размеры враждебного духа,

В «Фаусте» Гете Гений Земли, вызванный заклинаниями, является в своем естественном, огромном образе, и устрашает Фауста. Мефистофель, напротив, желает подладиться к Фаусту, войти с ним в равноправные отношения. Поэтому он принимает образ, подобный, равновеликий Фаусту. Равновеликость образов есть символ равноправных отношений, мало того символ равносильности в борьбе, ибо в конце концов неизвестно одолеет ли Мефистофель Фауста или Фауст отобьется.

В браманизме, Вишну, как солнечный бог, в образе карлика тремя последовательными шагами покорил все три мира, мир подземный, мир земной и мир небесный. И с каждым шагом образ его выросал и в конце концов сделался огромным и протянулся через небо.

Мы видим таким образом постоянное изменение относительной величины духов, шаманов и людей в их взаимных отношениях и встречах. Так же точно у Пушкина в «Бесах»:

Там верстою небывалой
Он стоял передо мной.
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во мгле ночной.

ГЛАВА 4.

Рядом с враждебными духами, анимистическое мировоззрение включает другой разряд духов, которые представляют одухотворенную форму самых предметов. Это так называемые «хозяева», внутренние лэди, обитатели, господа или слуги предметов, души предметов. Сюда же относятся *Genii Locī*, т.-е. особые владетели, боги или духи рек, озер, лесов, гор, также владыки полевого и лесного зверя, для каждой породы особо, которые пасут и охраняют дичь и также даруют добычу счастливому охотнику. Духи этого разряда в общем не враждебны человеку. Если обратиться к ним с просьбой, с смиренным и ласковым словом, и принести им жертву, они становятся благосклонными к человеку и оказывают ему помощь. Во всяком случае их образ не связан с постоянной борьбой против человека. Правда, иные из них нередко беспокоят, и дразнят, и мучат неугодивших им людей, но они никогда не охотятся за человеческими душами и также не питаются такою ужасною пищей.

Что касается их внешнего вида и размеров, они нередко представляются в обыкновенном человеческом образе. Греческие лесные дриады и речные нимфы, германские ундины, югославянские вилы и русские русалки, лесные или речные, имеют человеческий образ и размеры.

Однако и эти довольно безобидные образы большей частью имеют, подобно предшествующим духам, враждебным человеку, две ипостаси, взаимно полярные по своим относительным размерам.

С одной стороны духи-хозяева, *Genii Locī*, являются как великаны. Немецкий Рюбецаль, русский Леший, это—именно такие неуклюжие, огромные фигуры.

С другой стороны те же самые духи-хозяева представляются мелкими, маленькими. Рядом с огромным Лешим являются крошечные мелкие духи, тоже владыки и леса и раз-

ных звериных пород. В Азии у чукоч и у ламутов, в северной и южной Америке у разных индийских племен, хозяин дичи—это крошечное существо, часто не больше пальца. Дух этот ездит верхом на зайцах, отчего у них на спине взлохмачена шерсть. Чукотский лесной дух так и называется «мышинный ездок», ибо он ездит на крошечных санках, запряженных мышами. Его представляют себе часто в виде с'едобного корешка макарши, с отростками, изображающими руки и ноги, вроде корешка мандрагоры. Славянский «домовой хозяин» чаще всего человеческого роста, но другой образ домового—«Суседко»—представляется очень маленьким, опять-таки не больше пальца. Он обитает за печкой в закутном углу. Ему жертвуют колобочки из теста, с горошину величиной, шьют меховые рубашенки не больше наперстка. Этот Суседко впрочем не хуже большого домового управляется с лошадьми, расчесывает им гривы, или, в случае недовольства, хозяином дома, скачет на них верхом, отчего шерсть на них всклокочена. Brownie, кельтический домовый, тоже представляется маленьким. Он не хуже «Суседки» ездит верхом на лошадях и мучит тех, которые «не ко двору».

Параллельно с духами хозяевами и человеческая душа тоже представляется, как хозяин, внутренний обитатель и распорядитель тела.

И в этом образе, вне связи с враждебными духами, душа представляется маленькой, хотя и не столько, не такой крошечной, как хвощик или жучок анализа предшествующей главы. Душа человека—это человек, карликовый образ, уменьшенная копия обыкновенного человека. Это справедливо как для первобытных, так и для более культурных народов. На греческих вазах душа, исходящая из тела, изображается, как маленький карлик. То же относится и к Египту (маленькая человеко-образная ka—душа на барельефах) и к Индии (Магабгарата, III, CCXCVI).

Души отдельных членов, особые души руки, ноги, глаза, тоже представляются, как весьма уменьшенные копии этих членов. Очевидно в связи с этим так называемые ex voto, благодарственные изображения исцеленных членов, приносимые богам, тоже являются уменьшенными копиями этих членов. Божницы и иконы католических святых до сих пор увешаны такими уменьшенными руками и ногами, сделанными из золота, из серебра и даже из более простого материала.

Малые размеры души, особенно на исходе из человеческого тела, все-таки в конце концов вероятно объясняются сознанием ее беспомощности пред силами внешнего мира, даже без связи с непосредственной опасностью от нападения духов-убийц.

«Душа—это маленький птенчик!» говорят шаманы и сказочники различных племен.

Что же касается жертвоприношений духам и богам, то эти жертвоприношения рано начинают проявлять наклонность к стилизации именно в виде большого сокращения размеров. Гекатомбы убитых животных съедаются верующими, жертвенная часть достается жрецам, а собственно богам достается волоконце мяса, капелька крови, несколько брызг вина, выплеснутого из чаши. Вместо убитых животных подставляются их крошечные изображения из дерева, из травы и даже из бумаги, богам и покойникам подносятся игрушечные лошади, лодки, дома, оружие, даже игрушечные бумажные деньги. Все эти мелкие формы в царстве богов и покойников как-то должны обратиться в настоящие, доподлинные вещи.

В связи с этой двойственностью образа, присущей также и духам хозяевам, вообще не враждебным человеку, народное воображение решительно повсюду создало два рода причудливых и разнообразных форм. И все эти формы тоже взаимно полярны по размерам. На одной стороне великаны, на другой карлики. На одной стороне Циклопы, треческие Гиганты и Титаны, немецкие Hünen, арабские Джинны, еврейские Анаки, Рефаимы и пр. На другой стороне Гномы, Эльфы, Сильфы, Феи, Тролли и пр.

И опять-таки одни и те же существа являются то карликами, то великанами. В Англии, в Германии, на острове Сардинии, мегалитические памятники, сложенные некогда из огромных каменных плит, приписываются вообще великанам. Но другие предания приписывают их карликам и феям⁸⁾. По другим преданиям карлики и великаны чередуются. Так, в Ирландии по народным преданиям первыми жителями были великаны, за великанами пришли карлики, за карликами—датчане, которые представляются также великанами и вместе колдунами.

Однако, мелкие образы по большей части преобладают над крупными. Эльфы и феи многочисленнее великанов. Они так и называются прямо «малые людишки», «человечки»⁹⁾.

«Вули, гули, вули, гули, человечешко лесной!»

(*Гауттманн*, «Потонувший колокол»).

Это привело даже к мысли о том, что эльфы и феи связаны с воспоминаниями о древних малорослых племенах, загнанных в горы и леса пришельцами завоевателями более крупного роста и более высокой культуры. Это, конечно, возможно. Эльфы и феи, например, не выносят и боятся железа (гномы напротив являются превосходнейшими кузнецами), обитают в землянках, в лесах, как люди, племенами. Воруют и грабят у людей пищу и различные запасы и пр.

Но все факты не объясняются такими соображениями. Например, в японских рассказах маленькие феи и эльфы заменены лисицами, тоже мелкими сравнительно животными.

На Формозе, на Мадагаскаре распространены такие же поверья про карликов, живущих в лесах, в глыбах камней. У них птичьи голоса. Они приходят по ночам в человеческие жилища и крадут молоко.

Северо-американские индейцы тоже рассказывают о мелких существах, обитающих в лесу. Они водят хоровод при луне и если увидят человека, тотчас же исчезают. Зато они сами подкрадываются к людям и коснувшись их головы своей маленькой боевой дубинкой, погружают их в сон. Дети племени Ленапе ищут на песке крошечные следы этих маленьких людей, похожие на птичьи.

В общем малые размеры этих странных племен связаны, конечно, с их безобидностью и даже беспомощностью при встрече с человеком. Они вообще уступают человеку, хотя при случае мучат его, завлекают его в болото, обманывают его блудящим огоньком.

У них между прочим имеется тоже, как у духов и покойников, особый мир, раздельный от нашего мира. Золото, полученное в мире фей, принесенное в мир человека, обращается в блестящие листья. Также точно и заколдованный клад, выкопанный из земли без настоящего слова, или деньги, полученные от Нечистого и принесенные в дом человека, обращаются в навоз, черепки. Все эти превращения можно связать с превращением стилизованных жертвоприношений, отмеченным выше. Об этом будет указано подробнее в следующей главе.

Параллельные образы карликов и великанов с большою рельефностью представлены у Свифта в Путешествии Гулливера. Мир лилипутов-карликов и мир Бробдигнагов-великанов и мир человека между ними, в виде соединительного звена, так помещены, что взаимная относительность их размеров вы-

ступает необычайно ясно и убедительно. Эти три мира суть те же три мира первобытной легенды, указанные выше. И эти три мира—одно, это изображения все того же человеческого мира. Но один из миров представлен в увеличенном размере, другой в уменьшенном. Пред нами выступает, наконец, совершенно рельефно основное свойство человеческого духа: одни

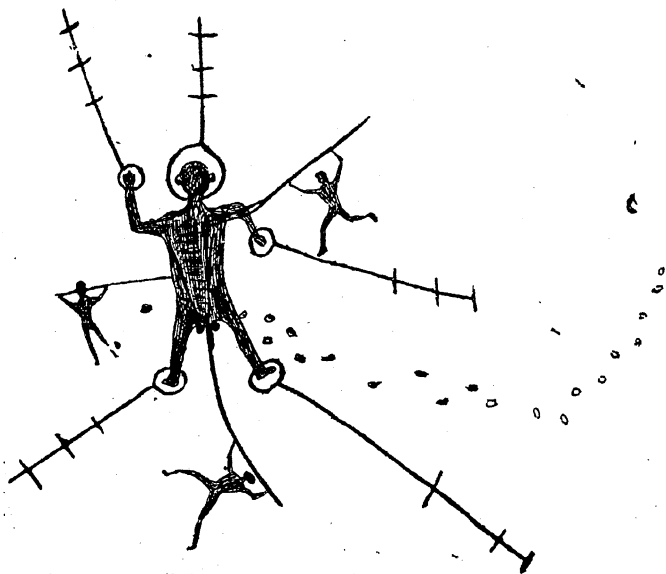

Рис. 15. Великан, связанный людьми.

и те же образы неизменно представлять с одной стороны увеличенными, с другой уменьшенными, словно рассматривая их поочередно в бинокль, сперва, как обычно, а потом—в перевернутые стекла.

На рисунке № 15 изображены подробности чукотского рассказа о встрече великана с людьми. В то же время рисунок представляет почти иллюстрацию к Свифту, а именно к описанию первой встречи Гулливера с лиллипутами. Именно такими веревками, привязанными к кольям, лиллипуты опутали своего «великана», Гулливера.

По чукотскому рассказу великан назывался «Одетый в моржовое сало». В сущности это был вероятно «Хозяин моржей», собирательное представление моржовой породы. Он пришел через море из области приморских коряков, и зашел в Пекульнейские горы в области Анадыря.

Он был так тяжел, что вытискивал в земле глубокие следы, которые и представлены на рисунке. Сбоку даже представлены особые следы от его genitalia, отпечатавшиеся во время его сна.

Другой раз во время его сна три человека увидели его и опутали его ремнями, как указано на рисунке. После того они закололи его своими копьями. Между прочим, по чукотским рассказам, его побелевшие кости можно видеть и теперь в Пекульнейских горах.

Во избежание смешений я должен еще упомянуть о другой категории сверхъестественных образов, которые несколько похожи на духов, но по существу имеют совершенно другую природу и способ действия. Это образы так называемой «живой порчи», искусственные формы, созданные колдуном из различных элементов и потом оживленные временной жизнью для специальной цели. Колдун посылает живую порчу к врагу, для того, чтобы вовлечь его в ряд действий, естественных с виду, но с неизменной гибелью в конце. Чукотский шаман берет ком снега, пучок травы, сплетенной вместе, и создает из этого женщину с белой кожей и с длинными косами. Из лоскута шкуры он делает для нее прекрасную одежду. Потом посылает ее на стойбище врага в виде опасной и лукавой соблазнительницы. Она, например, выманивает человека в поле и приводит к обрыву, а потом он остается под обрывом с разбитой головой. После этого порча возвращается обратно к шаману и тотчас же распадается на свои составные элементы. Живая порча, будучи механическим созданием чужой человеческой воли, не имеет ничего общего с духами и потому и не подчиняется закону об относительном изменении размеров.

Помимо того вообще живая порча получает обычный образ, человеческий, звериный, или подобный любому предмету, для того, чтобы искуснее подойти к человеку, обреченному на гибель. Она не является ни уменьшенной, ни увеличенной.

Духи-помощники и всякие другие сверхъестественные образы нередко принимают странные геометрические формы. Так, чукчи и азиатские эскимосы рассказывают о странных половинчатых тюленях и моржах,—верхняя половина плавает

на поверхности воды, а внизу под водой нет ничего. Такие половинки иногда представляют зловредную порчу, насланную злым шаманом, а иногда, напротив, благосклонную силу, дающую спасение в опасности. Отрезанные руки, соединенные вместе, изображенные на рисунке № 13, представляют такой же магический образ, благосклонный человеку. Рисунок руки человека, как символ магический и жертвенный, встречается уже в древнекаменный период на стенах французских пещер.

В Северной Америке племя Меномини знает образ еще более замечательный. По рассказам Меномини, вся кровь мертвого тела скипается вместе совершенно шаровидно и носится в воздухе, как алый сверкающий мяч.

В чем причина этой постоянной изменчивости размеров сверхъестественных образов в их взаимоотношениях с людьми и шаманами? Люди и духи должны очевидно считаться принадлежащими к мирам, совершенно раздельным и независимым друг от друга. Можно назвать эти раздельные миры системами, употребляя выражение современной физики. Воздействие духов на людей и обратно совершенно кинетично. Воздействуя на людей, духи находятся в непрерывном движении, то удаляясь, то приближаясь с огромной скоростью. Таково же вообще и воздействие шаманов на духов.

Активный элемент, победоносный, торжествующий—есть одновременно элемент кинетический. Он и представляется всегда увеличенным и даже огромным. Пассивный элемент, побежденный, обессиленный, это элемент неподвижный. Он представляется уменьшенным, маленьким.

Все это соответствует воззрениям современной физики относящимся к пространству и времени, вплоть до сведения в одинаковые формулы.

Вселенная—это сочетание раздельных систем. Каждая система—это отдельное целое, свободно движущееся в пространстве. Каждый элемент или тело, помещенное в данной системе, является ее нераздельной частью и движется вместе с нею. Движение тела с вселенской точки зрения представляет движение системы. Размеры тел, принадлежащих к различным системам, в их взаимных отношениях определяются взаимным движением этих систем относительно друг друга и различием их скоростей. Кинетическая длина меньше геометрической длины, кинетический объем меньше геометрического объема. Стержень, находящийся в системе S, является укороченным,

Если длина его измеряется наблюдателем из другой системы S_1 , движущейся относительно первой. Шар, покоящийся в системе S , представляется наблюдателю из системы S_1 сплюснутым эллипсоидом вращения.

Я принимаю эти формулы, как психологическое восприятие пространства и протяжения. Первобытные представления о взаимных размерах людей, шаманов и духов, могут быть сведены в формулы того же порядка и я сказал бы, такого же подхода к предмету. Человек, на которого нападают духи, соответствует укороченному стержню, измеряемому наблюдателем из системы S_1 , движущейся относительно системы S . То же можно сказать и о духе или о духах, на которых нападает шаман. Так как быстрота и активность нападающего элемента чрезвычайно велики, то размеры элемента пассивного чрезвычайно сжимаются и становятся ничтожными. Трудно, разумеется, установить, как далеко простирается сходство умозрения, отчетливого в одном члене сравнения и полуинстинктивного в другом.

Главный элемент, который принимается в расчет во взаимных отношениях духов с людьми, есть энергия, притом не физического, а скорее психического свойства. Таким образом, и относительность размеров духов и людей имеет скорее энергетический, а не просто физический характер. Тем не менее энергия является здесь, как превращение движения, которое представляет существенную форму ее проявления, самый способ нападения духов на людей и обратно. Люди и духи в пассивном состоянии являются предметом нападения и притом неподвижным, но и это вполне соответствует неподвижности стержня или шара, покоящихся в системе S .

Установив это основное сходство, можно перейти к рассмотрению противоречий и недоразумений, связанных с движением духов относительно людей.

Так, например, уменьшение размера духов, укрощенных и подвластных человеку и потому движущихся к нему навстречу, противоречит обыкновенному физическому закону перспективы, согласно которому приближающееся тело увеличивается, а удаляющееся уменьшается.

Чтоб выйти из этого противоречия, создаются постоянные компромиссы. Враждебные духи, стремящиеся напасть на человека, сперва представляются огромными и грозными. И тотчас потом, побежденные шаманом, они обращаются в бегство

и уже в бегстве с'еживаются, опадают, как блеклые листья, как капли росы. Таким образом, уменьшение объема происходит соответственно закону перспективы, но в сущности, конечно, далеко обгоняет его.

Духи-помощники говорят с шаманом, приняв на себя образ незнакомый, обыкновенно человеческий, равновеликий шаману. И вдруг, открываясь ему, с криком бросаются прочь, принимая иную форму, почти всегда уменьшенную. Об этих превращениях будет сказано в следующей главе.

Однако немало совершенно отчетливых примеров уменьшения размеров духов-помощников в их приближении к шаману в полном противоречии с законом перспективы. Нужно допустить, что первобытный наблюдатель представляет себе мир духов действительно, как совершенно отдельную от нашего мира систему *Si*. Это так называемый «потусторонний мир». Представление об этом мире в общем совершенно кинетично, но быстрота движения превращается всецело в энергию, в активность нападения, и эта энергия служит единственным мерилom взаимного соотношения сил и величин.

Таким образом, первобытный наблюдатель, определяя взаимные пропорции элементов мира потустороннего и элементов нашего собственного мира, в каждой их встрече и при каждом столкновении, руководствуется исключительно ощущением быстроты, превращенной в энергию, стремительности полета. С другой стороны, современный научный наблюдатель может возвратиться к такому основному воззрению; только отбросив все усложнения этой первичной идеи, исторически возникшие в процессе развития науки и приросшие к основному психологическому подходу.

ГЛАВА 5.

Первобытное восприятие времени представляет аналогичный ряд таких же относительных и изменчивых сочетаний. Ряд указаний свидетельствует прежде всего о чрезвычайно значительных изменениях относительной длины данного промежутка времени. Внешняя длина и внутреннее наполнение времени расходятся часто с зияющим несоответствием. Так, сновидение может вместить огромное внутреннее содержание в короткую секунду, даже в часть секунды. То же относится к последним мгновениям жизни, к утопающему, к повешенному, насколько мы знаем их переживания от спасенных самоубийц. Перед ними проходит в какую-нибудь терцию секунды с странной отчетливостью связанная картина всей минувшей жизни.

Такие же примеры и другие противоположные им известны из области религиозного экстаза. Такой-то отшельник, святой заглядевшись в экстазе на славу божью, утратил ощущение времени. И то, что он внутренне ощущал, как краткую секунду, объективно оказалось полувеком или веком. В других рассказах святой, герой и т. д. попадает в потусторонний мир, переживает там ряд ощущений и событий, видит сплетение вещей сложных, и разнообразных. И, когда он возвращается обратно на землю, все эти события оказываются втиснутыми, сгущенными в несколько кратких мгновений.

Век—как мгновение, или мгновение—как век, это в сущности одно и то же. В легендах и сказаниях различных народов постоянно являются такие сопоставления. Так, рассказы о феях западной Европы содержат эпизоды, относящиеся к пляске фей, которая внутренне длится, как несколько кратких часов, а внешне занимает полжизни. В других рассказах феи заставляют человека влиянием чар пережить целую жизнь в течение краткой минуты ¹⁰⁾.

Другой ряд рассказов сообщает о том, как для такого-то лица, для 11,000 спящих дев, для христианских отроков в Эфесе, время совсем остановилось и, когда оно начало течь снова, минувший промежуток объективно оказывается долгим, нередко свыше меры. Американский рассказ Вашингтона Ирвинга об судьбе Рип-Ван-Винкля, проспавшего четверть столетия, является новейшим примером. А средневековое сказание об очарованном замке представляет, как указано, предельную форму застывшего времени, превратившую мгновение в вечность.

Шаманизм тоже изобилует примерами такого сжатия или расширения времени. Припадок шаманского транса длится объективно не больше получаса, а субъективно представляет путешествие через несколько вселенных, полное поисков, забот и хлопот, сражений, смертельных опасностей. Если перечислить внутреннее время наружу, человеческой жизни не хватит. Так в упомянутом раньше рассказе шаман поднимается на небо вертикальным восхождением, очевидно не в трансе, а в обычном состоянии. Он летит и летит, уже голова его поседела, а неба не видно. Наконец, встречает другого шамана. Этот спускается с неба вниз. «Что, далеко?»—спрашивают они оба друг у друга. Они встретились на подороге. Человеческой жизни хватает лишь на половину пути, который, однако, совершается таким же шаманом в состоянии транса, совсем незаметно, в виде предисловия к настоящему странствованию.

Противоположный пример был указан в Введении, в шаманской параллели философского примера № 3. Год или два потусторонних странствий шамана при возвращении на землю оказались неожиданно дольше человеческой жизни.

Такое восприятие времени, очевидно, представляет не только простое сжатие или расширение данного промежутка. Напротив того, особенно в последнем примере, мы имеем две разные меры времени, очевидно, независимые и несогласованные друг с другом. Потусторонний мир и наш человеческий мир имеют особое время для каждого и свести это время вместе в сущности невозможно. Сведение кончается катастрофой и распадом элементов.

Если проанализировать более внимательно каждый пример первобытного восприятия времени, относящийся к потустороннему миру, мы видим, что такое восприятие включает два раздельных элемента, и о каждом элементе надо сказать особо.

Первый элемент представляет простое сжатие или расширение данного промежутка времени. Такое расширение или сжатие зависит всецело от степени наполнения данного промежутка времени разнообразными ощущениями потустороннего мира. Время, наполненное новыми ощущениями, расширяется и его протяженность растет. В других случаях интенсивность ощущения заменяет разнообразие и сложность.

Второй элемент представляет остановку времени, которая в иных случаях однородна и предельна, как в примере № 1, в других случаях она соединяется с простым растяжением времени. Таким образом, общая формула религиозного экстаза приобретает сложный характер. Святой или герой, восхищенный небесною славой, потерял ощущение времени. В результате оказалось растяжение времени, лишь отчасти и *post factum* наполняемое суммой ощущений экстаза. В некоторых случаях, например, в примере № 3, каждый мир очевидно имеет свое собственное время.

Даже в одном и том же мире, например, в нашем собственном, можно указать ряд различных восприятий времени, не допускающих согласования. Возьмем, например, две индивидуальные жизни, жизнь человека, которая длится три четверти века, и жизнь бабочки поденки, длящуюся несколько часов. Можно, однако, полагать, что даже у поденки внутреннее ощущение жизненного срока достаточно растянуто и не имеет такой быстролетной летучести, как нам кажется извне. Предположим, что человеческое сознание переносится в условия жизни поденки. Короткий жизненный срок поденки неминуемо растянется и превратится в достаточно длинную жизнь. Однако, невозможно совместить в одном сознании два различных течения времени. И то же человеческое я, прожившее жизнь поденки до конца и возвратившееся обратно в условия обычной человеческой жизни, не будет в состоянии припомнить эту жизнь поденки, как течение какого-нибудь времени. Собственный критерий времени поденки и критерий человеческого времени будут непригодны для такого совмещения и вступят в борьбу, без всякого возможного исхода.

В сущности каждый человек, каждый живой индивид, имеет свое собственное время. Люди с сангвиническим темпераментом имеют одно время, с флегматическим—другое, с меланхолическим—третье. Различия не очень значительны, но все-таки полного совпадения отнюдь не существует,

Между прочим, и этюд Уэллса «Новейший ускоритель», упомянутый выше, заключает несомненное совмещение несовместимого. Никак невозможно сначала прожить пять минут по обычному, потом пять минут—как полдня, потом опять пять минут по обычному.

Во всяком случае время потустороннего мира не допускает совмещения с временем мира земного. Вот почему, чукотский шаман путешественник, эфесские юноши, и пр., вернувшись обратно в наш собственный мир, не могли приспособиться к прежнему течению времени и тотчас же умерли и ушли навсегда.

Мы приходим, таким образом, к другой формуле новейшей физики, относящейся к времени. Никакого абсолютного времени вообще не существует. Каждая из двух систем, S и S_1 , движущихся в пространстве одна относительно другой, имеют свое собственное время, доступное для исчисления лишь наблюдателю, который движется вместе с той же системой. Понятия об одновременности в общем смысле слова не существует.

В связи с этим первобытное сознание не чувствует особой склонности подчеркивать относительность времени путем расширения или сжатия одного и того же промежутка. Можно, напротив, сказать, что восприятие времени вообще отвергается, отбрасывается прочь при самом созидании общего шаманистического восприятия вселенной.

Можно пойти даже дальше и сделать для психо-физического восприятия мира, свойственного шаманизму, следующие дальнейшие выводы из неприятия времени. При отсутствии одновременности, сосуществование и совпадение проявлений бытия, существующих в разных системах и имеющих внешнюю видимость и пространственную трехмерность, такое совпадение должно восприниматься в каком-то ином порядке, вне категории времени.

Яркий пример такого вневременного совпадения приведен в рассказе Уэллса: «Случай с глазами м-ра Девисона». Англичанин, работающий в своей лаборатории в Лондоне, поражен шаровидной молнией, влетевшей в окно. Он ослеп, натывается на стены и в то же время видит солнечный остров, чаек, песок и бушующее море. Зрение его переместилось на 180° и находится у антиподов в южном полушарии. С тех пор он видит два зрительных мира, перекрывающих друг друга: 1) Лондон и

2) Остров на Тихом Океане. Днем, с лондонского утра до лондонского вечера, старый зрительный мир сильнее и ярче, а новый ощущается, как некий туман, как отпечаток недопроявленного негатива. Но с лондонского вечера лондонский зрительный мир бледнеет, а тихоокеанский усиливается и к полночи обращается в полную зрительную иллюзию. Лондонский мир, в свою очередь, бледнеет до степени тумана. Ночью пациент не может ходить по городу, его водят под-руки. Двойственные зрительные ощущения причиняют немало неожиданных явлений. Вот пациент спустился, под-руку со спутниками, в низко расположенную часть Лондона. Ему одновременно кажется, что в тихоокеанском кругозоре он опустился под воду и идет в глубине, как будто водолаз. Навстречу плывет огромная акула. Он разрезает ее пополам, как бесплотную тень и проходит дальше. Ибо болезнь его только зрительная, а телесное его бытие в остальных отношениях попрежнему находится в Лондоне. Дальше попадаетсся другое видение, затонувший корабль. На носу, на палубе, трупы матросов, изъеденные рыбами. Оно тоже наплывает на больного, как яркая галлюцинация, и, совершенно бесплотное, проносится дальше.

Мы имеем, таким образом, два трехмерных зрительных коллективных восприятия жизни, которые совпадают в каком-то неизвестном, но вневременном порядке.

Время, исключенное здесь—это как раз то время, которое было бы необходимо, чтобы в естественном порядке перейти от одной зрительной картины к другой. Ибо в реальном бытии эти картины разделены определенным протяжением пространства. Но это пространство, разделяющее их и подлежащее преодолению, в данном случае становится временем. Это—четвертое измерение пространства, расстояние пространства, превращенное во время и ощущаемое, как таковое. И в данном случае оно отбрасывается прочь и две трехмерности просто налегают друг на друга.

Первобытное познание религии переполнено такими сосуществованиями бытия, трехмерными порознь, но покрывающими друг друга в каком-то вневременном порядке.

Мыши, например, обитают на нашей земле. Но где-то существует особая мышинная область. Там эти самые мыши живут в какой-то иной ипостаси бытия. Имеют жилища, запасы, орудия, утварь, справляют обряды, приносят соответствующие жертвы. Земной шаман попадает в эту область. Старуха

больна горлом. На нашей земле это — мышь, которая попала в соломенную пленку (силок), поставленную нашими земными ребятами. Можно лечить ее двояко. Или врачевать ее шаманством там, в той особенной области, пока не лопнет пленка здесь. Тогда старуха исцелится. Можно просто оборвать пленку здесь. Мышь убежит и старуха опять-таки исцелится там. Шаман врачует там, вылечивает старуху. Соломенная пленка на земле лопается и мышь убегает. Шаману дают в уплату стяг мяса, свиток ремня, тюленьи шкуры. Но на нашей земле эти дары превращаются в сухие ветки и в вялые листья,

Мы видели, что золото, данное феями, попав в наш мир, точно также обращается в вялые листья. Есть и обратные случаи, когда малоценные предметы, данные феями, попав в наш мир, обращаются в золото. В Гоголевском рассказе «Пропавшая грамота» даже простые игральные карты в руках у ведьмы выглядят шестерками и семерками, а попав в руки казака и окрещенные, в виде заклинания, превращаются в тузов и королей. Конечно, это адские карты, с «того света», попавшие в наш мир.

Между прочим, по поводу этого странного соотношения двух миров новейший английский фольклорист Мак-Кулох говорит следующее: «Царство Фей» часто представляется, как некая область четвертого измерения, перекрывающая и проникающая наш собственный мир. В других случаях царство Фей представляется, как особый потусторонний мир, расположенный где-то под землей или под водой, или на каких-то отдаленных островах» ¹⁰.

В сущности говоря, оба эти представления, область четвертого измерения и особый «потусторонний» мир покрывают друг друга.

В приведенном мною примере мыши и вся их собирательная жизнь имеют две ипостаси, две формы бытия, раздельные одна от другой, но вместе с тем существующие рядом в какой-то постоянной связи. Та же самая мышь существует здесь и существует там. Она и раздельна, и двойственна, и в то же время это одно нераздельное, тождественное бытие.

С этой точки зрения становится понятно, как одно и то же существо может пребывать одновременно в двух разных местах, т.-е. собственно говоря не одновременно, а вневременно, независимо от восприятия времени.

Другой пример. Человек, околдованный шаманом, бросился бежать из спального помещения наружу. Побежит, побежит, глянет кругом, все те же стены, обезумев, бежит дальше. Наконец, выскочил из спального помещения и тем самым выскочил из одной вселенной, нашей земной. Теперь он бежит по второму помещению, наружному. Оглянется кругом: все те же стены, обезумев, бросится дальше. Наконец, выскочил из наружного шатра и тем самым выскочил из второй вселенной, надземной, и попал на изнанку небес, на зыблящуюся твердь облаков. Там, утопая, погибает. В этих примерах не менее ярко чем у Уэллса, выступает совпадение двух ощущений бытия трехмерных каждое порознь, но совпадающих вневременно.

Земной шатер, состоящий из двух помещений, связанных вместе, перекрывается представлением о двух мирах, тоже связанных вместе. И околдованный человек видит одновременно то и другое трехмерное зрительное представление.

Третий пример. В чукотском поселке захворал юноша. Его болезнь растет день ото дня. Он сидит в спальном помещении жилища, повесив голову. Дядя его берет бубен и принимается шаманить, призывая своих духов-помощников. «Что такое с мальчиком?» спрашивает он у одного из них. Дух отвечает «Далеко в американской стране есть девушка без отца, без матери. Она живет в железном жилище, не имеющем выхода. Она старается унести твоего племянника себе в мужья». Дядя посылает в Америку другого духа - помощника, маленькую птичку, Перрупер. Птичка подлетает к железному дому и после долгих хлопот и розысков, находит, наконец, щелку и заглядывает в дом. И она видит. Юная чета сидит рядом на шкурах. Жена крошит вареное мясо и, пока муж ест, она глядит ему заботливо в глаза. И это тот самый юноша, что и там, в чукотском поселке.

На рисунке № 16 изображена любопытная сцена, представляющая довольно наглядно такое совпадение двух коллективных организованных ипостасей одного и того же бытия.

Рисунок представляет охоту, точнее облаву, свирепых дельфинов-касаток на группу моржей. Касатка (*Orca gladiator*)—это огромный, чрезвычайно проворный дельфин, который, действительно, охотится группами и нападает довольно успешно даже на китов. Это выражено между прочим в английском имени касатки *killer-whale* «истребитель китов». Киты панически боятся касаток и, убегая от них, бросаются

к берегу и нередко разбиваются о камни или даже выбрасываются на отмель. Также и тюлени и моржи боятся касаток и бросаются от них к берегу, где и попадают в область воздействий другого врага, человека. В связи с этим многие приморские племена северо-востока Азии считают касатку благодетельным «хозяином моря», покровителем человеческой охоты, подателем морского зверя.

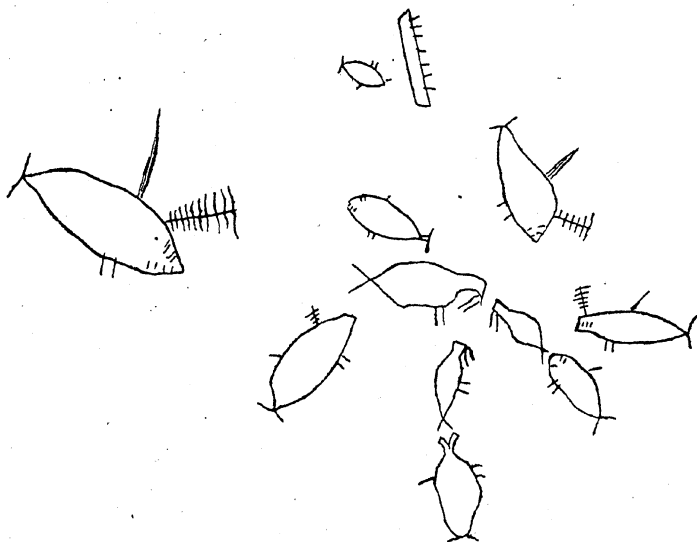

Рис. 16. Облава дельфинов-касаток на моржей.

Сахалинские гилаки считают касатку помощником морского бога. Партия касаток, окружив кита и вырывая у него куски мяса своими острыми зубами,—как это, действительно, бывает,—потом относит эту добычу морскому богу.

С касатками связано поэтому много легенд и своеобразных представлений. Чукчи называют касаток «долгоносые птицы». Рыло у касатки довольно тупое. Но на спине у нее длинный жировой плавник, действительно с виду заостренный, но в сущности мягкий.

По чукотским представлениям касатки — это люди-охотники. Они охотятся партиями в восемь штук, подобно тому, как и чукчи с эскимосами промышляют зверя артелями из восьми человек, и каждая артель имеет особую большую кожаную лодку. Чукчи поэтому и партию касаток, завиденную в море,—а их можно различить издали именно по их острым торчащим плавникам,—тоже называют большей частью «лодкой касаток».

Сахалинские гиляки в этом отношении идут так далеко, что один из них, по свидетельству Л. Я. Штернберга, так и говорил ему, указывая на касатку: «Ты думаешь, это касатка? Это охотничья лодка, а вот та впереди—это сабля касатки-хозяина»¹¹⁾.

После этих предварительных объяснений будет понятно и содержание рисунка. Партия касаток окружила моржей. В сущности, и моржи, и касатки—это люди. У них оттого пририсованы снизу по две ноги. Слева нарисован касатка-начальник, который очевидно руководит нападением.

Сверху человеческая охотничья лодка, которая выжидает,—как это опять-таки бывает,—не бросятся ли моржи от касаток в ее сторону. Перед этой лодкой еще одна касатка. Она, по словам рисовавшего, просила у людей табаку: очевидно, в обмен за подгонку моржей. Просьба нарисована в виде особой черточки. Понимать надо так, что люди принесли касаткам жертву табаком, прося их уделить и им, людям, часть добычи.

Мы имеем здесь во всей этой сумме поверий, представленных также и графически, довольно отчетливый случай совпадения двух коллективных организованных ипостасей одного и того же бытия. Касатки суть дельфины и одновременно человекоподобные охотники и еще духи-покровители, хозяева дичи.

Рядом с этими коллективными совпадениями целых зрительных картин, даже целых организованных миров, можно поставить другие совпадения, более индивидуальные, но в сущности того же порядка. Они чрезвычайно многочисленны.

Одно и то же лицо, существо, бытие—представляется имеющим несколько ипостасей, отдельных, но все же совпадающих. Эти различные формы ничуть не чередуются, сменяя друг друга в определенной последовательности. Они существуют одновременно или, лучше сказать, вневременно. Они как изнанка и лицо ткани, как верхняя и нижняя поверхность одной и той же плоскости.

Люди—звери. Звери—люди. Племя Трумаи на плоскогории Хингу в Средней Бразилии живет рыбной ловлей. Для своих соседей Бакаири Трумаи, по словам фон-ден-Штейнена, это просто водяные животные. Они спускаются на дно реки, чтоб спать там. И там, на дне, они ловят рыбу¹²⁾.

Люди из племени Бороро, по словам того же фон-ден-Штейнена, сами о себе говорят, что они красные попугаи Ара.

Это—сочетания тоже коллективные, но они ведут нас к пониманию других индивидуальных сочетаний.

Горностаи—это статный молодец в белой одежде, прекрасный и ловкий охотник. Со всем тем он не перестает быть горностаем. Вольга Святославич из былины встряхнулся и прокинулся рыбой, шмелем, жерёбцом. Вместе с тем он не перестал быть Вольгой Святославичем. Аполлон ловит Дафну, как в мраморной группе Кановы. Дафна обращается в лавр. Это и дева, и дерево.

Если перейти к графическим изображениям совпадения различных ипостасей, можно привести множество поразительных примеров.

Вот на рисунке № 17 изображен Ворон, устроитель мира. Тело у него человеческое, голова воронья, с правой стороны рука, а с левой крыло. Это и ворон, и вместе человек. На рисунке № 18 целая серия таких двойственных двуипостасных фигур. Рыба с руками человека, сороконожка с круглым лицом и в особом головном уборе, лисица—тоже и т. д. На рисунке № 19—дух падучей болезни. У него сразу два лица, человеческое и звериное.

Костяные фигурки, двуглавые или двуликие, попадают у множества у самых различных народов. Одно лицо звериное, другое птичье, или одно—человеческое, другое—звериное. Лица поставлены рядом или одно над другим, или одно вверху, другое внизу и т. п.

На рисунке № 20 мы видим шаманских духов-помощников именно такой двуипостасной, двуликой формы. Справа летящая птица, а слева крылатый летящий олень. У птицы в ниж-

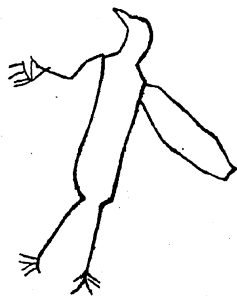

Рис. 17. Ворон-человек.

ней части тела есть человеческое лицо, а у оленя там же— фигура птицы.

Внутри шатра женщина-шаманка, положив к себе на колени больного, лечит его заклинаниями. Это на ее зов прилетают два духа-помощника, справа и слева.

Приведенные примеры между прочим свидетельствуют, что различие ипостасей бытия связано часто с различием величин. Очень яркое выражение этого можно найти, например, в таком

Рис. 18. Духи двойного образа.

заклинании, которое применяется северным путником, одиноко ночующим в поле, в защиту от злых духов. Надо иметь при себе камушек, амулет, и надо говорить: «Я не здесь, я в этом камне. И этот камешек есть скала среди океана. Я сижу на его верхушке. У скалы крутые и скользкие бока, духи лезут на скалу, и ломают себе когти и пальцы, и не могут взлезть».

Другое заклинание: «Я не сплю на земле. Я влезаю в ухо к своему оленю. Духи, которые приходят, не находят меня».

Между прочим, эта отрицательная форма заклинания несколько не отрицает совпадения ипостасей. Она применяется только для того, чтобы сбить духов с толку. И смысл ее тот,

что вот мое бытие имеет две ипостаси. Одна здесь, а другая на море. И вместо одной ипостаси я подставляю вам другую.

Следует отметить, что перестановка ипостасей из знакомой в незнакомую, из обычной в необычную, отмечается часто на отходе, на исчезании образов. Человек разговаривает со встречным и все время принимает его тоже за человека. Наконец они расстаются. Кто-нибудь из них отходит, и вдруг на некотором расстоянии оказывается, что этот предполагает-

Рис. 19. Дух падушей болезни двойного образа.

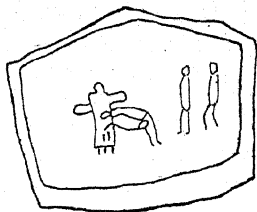

Рис. 20. Шаманские духи-помощники двойного образа.

мый человек или группа людей — суть в сущности волки, вороны, горностаи, лисицы. Они улетают или убегают с криком, похожим на хохот.

В юкагирской сказке, очень распространенной также и среди местного русского населения (на реке Колыме), мы встречаем морских путников, которые странствуют с острова на остров. На одном острове они встретили людей, которые жили в землянках. Эти люди щедро угостили их мясом. Но когда они отъехали от острова, то увидели, что их бывшие хозяева не люди, а песцы.

Точно также в различных чукотских сказках незнакомая гостья, испуганная хозяином, убегает лисицей с криком: «ка, ка, ка!» Ребятишки, внезапно испуганные матерью, превраща-

ются тотчас в животных и спасаются бегством. Один уплывает росомахой, другой улетает уткой-савкой (*Anas fuligula*) и т. д. Мать тоже уходит медведицей.

Точно также и Скикнер сообщает о племени Ленапе: «Дух-хранитель большей частью сперва появляется в человеческом образе и только под конец, когда он уже на уходе, человек наконец замечает его истинный образ, большей частью звериный или птичий»¹³).

Другой пример: «Старик по имени Покатегемун в особом видении встретил своего покровителя. Покровитель имел человеческий образ и дал ему свое благословение. Только уже на уходе это существо вдруг закричало: «Кванк, кванк, кванк!» Тогда Покатегемун заметил, что это в сущности утка и что даже ее тело наполовину белое, наполовину черное».

В третьем примере такое же существо неожиданно улетело прочь в образе вороны с криком: «Га, га, гат!»

В четвертом примере такие же существа сказали человеку: «Теперь мы оставляем тебя. Смотри на нас внимательно!» Они затопали по берегу, и через минуту он увидел, что они бегут рысью. То были волки. «А ведь я считал их за людей», сказал человек.

Выше были указаны такие же примеры превращений на отходе, например, якутский рассказ о том, как шаман отгоняет духов болезни, враждебных человеку, и они изменяют свою форму, обращаясь в бегство, и потом на расстоянии меняют ее снова и снова, и притом сокращаются в объеме. Я указывал также на связь этих представлений с законом перспективы. Предметы, удаляясь, уменьшаются в объеме. Заодно с этим они имеют полную возможность проявлять склонность к изменению формы, точнее к проявлению другой формы, более меньших размеров, свойственной им, но скрытой от наблюдателя в начале их встречи:

Последующее развитие анимизма вносит, наконец, в эту систему превращений элемент времени, элемент последовательности. Совпадающие, сосуществующие ипостаси превращаются в фазы, которые сменяют друг друга поочередно, — сперва одна, а потом другая.

Можно напомнить, например, общеизвестное заклинание из старой русской сказки: «Сивка, бурка, вещая каурка, стань передо мною, как лист перед травой». Влез сивке в ухо

и вылез оттуда такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Из старых представлений анимизма это заклинание сохранило только влезание в лошадиное ухо, причем, разумеется, предполагается внезапное сокращение размеров, по существу совершенно двупостасное. Новая форма, которую принимает герой, представляется уже, как последующая по времени. Сказка подчеркивает, что герой изменился, сделался иным, не таким, как был прежде. С дальнейшим развитием анимизма одна из форм становится постоянной, существенной формой бытия, другая начинает постепенно отмирать, превращаться в маску, в наружный покров, в обиталище, в футляр и даже в простое украшение, в малозначительный аксессуар.

В различных примерах выступает вперед то одна, то другая сторона такого познейшего изменения наружных ипостасных форм.

В юкагирской сказке волки отбросили прочь свои волчьи маски и явились настоящими людьми. Или даже два гриба мухомора сняли свои пестрые шляпы и явились такими-то богами. Маски, переодевания являются существенной частью таких представлений о животных. Отсюда развиваются маскированные пляски первобытных племен, столь распространенные повсюду, которые между прочим быстро драматизировались и дали начало театру. Те же маскированные пляски в более прямой форме сохранились в виде католических процессий и религиозных мистерий с воплощением святых, в виде так называемого вертепного пещного «действия», связанного с Рождеством, в виде хождения ряженных, связанного с колясками того же Рождества, в виде представления с медведем и козой и пр.

В другом роде сказок, тоже весьма распространенных, развивается идея о второй ипостаси бытия, как о жилище, о футляре. Духи предметов, о которых я говорил выше, обитают именно в таких специальных жилищах, прикрепленные к ним постоянно. Водяной обитает в омуте, нимфа в ручье, греческая дриада в дереве, в дупле или в листьях. Русская лесная русалка тоже живет в дупле дерева или просто «на суку сидит», как у Пушкина.

Третий ряд сказаний и легенд представляет вторую ипостась, как простое украшение, простую принадлежность.

Богиня Изида, бывшая некогда просто коровой, сохранила коровьи рога, как головной убор. Греческая Гера, тоже бывшая корова, осталась у Гомера только «волоокой», Афина, бывшая сова, осталась «совоокой». Афродита, бывшая голубка, которая в древнейшем периоде так и изображалась голубкой, позднее летит на колеснице, несомой голубями. Зевс — орел — имеет позднее орла в служебной роли. Артемида, богиня охоты, имеет служебную лань и пр.

С другой стороны, сказания народов с более высокой культурой удержали множество примеров с идеями старого типа о двух или нескольких формах, ипостасях бытия, совпадающих во вневременном порядке. Так, в индусской легенде о Шактивеге, из известного собрания сказок Катасаритсагара, княжна Канакареха требует, чтобы ее женихи посетили волшебный «Золотой Город». Герой Шактивеге после многих приключений попадает в эту заколдованную область. Там он находит в великолепном покое на золотой постели человеческое тело, покрытое покровом из тончайшего холста. Подняв покров, он видит свою возлюбленную княжну. Она лежит в бесчувственном состоянии на этой золотой постели. Он обходит и другие покои и находит в каждой такую же постель и такой же прекрасный и бесчувственный девичий образ. Каждая красавица имеет две формы жизни, одну на земле, другую в «Золотом Городе». И можно жениться на ней, сообразно обстоятельствам, там или тут.

Это четкое изображение различных ипостасей того же бытия явственно напоминает более первобытные рассказы, приведенные выше, например, чукотский рассказ об американской девушке, похищающей себе жениха из чукотского поселка.

Можно, однако, отметить, что индусская сказка сделала шаг вперед на пути ослабления одной из ипостасей.

В чукотском рассказе юноша, часть жизни которого перенесена в Америку, начинает хворать. В индусском рассказе одна из ипостасей стала бесчувственной, утратила жизнь и сохранила только форму.

Это сравнение различных примеров весьма уясняет весь ход изменения идеи ипостасей от их полной равнозначности, до совершенного отмирания второй ипостаси и обращения ее в простую принадлежность первой.

ГЛАВА 6.

Восходя от первобытных религий к так называемым высшим религиям, мы встречаем повсюду те же три основные элемента относительности пространства и времени: 1) изменчивость величин людей и богов (духов) в их взаимных отношениях, 2) изменчивость наполнения времени и отсутствие одновременности, 3) вневременное совмещение различных ипостасей одного и того же бытия.

Так, по отношению к первому элементу положение человека пред богом, пред Верховною Силою, вообще чрезвычайно изменчиво и колеблется между двумя крайними пределами. На одном пределе человек в руках божества, как глина в руках горшечника. Человек и все земные человеческие вещи пред богом, как горсть праха. Земля—это подножие под стопами господними.

Сравнить, например, Иова, IX, 3—8: «Как оправдается человек перед богом? Если захочет вступить в прение с ним, то не ответит ему ни на одно из тысячи. Бог премудр сердцем и могуч силою. Кто восставал против него и оставался в покое? Он передвигает горы, и не узнают их. Он превращает их в гнев своем. Сдвигает землю с места ее, и столбы ее дрожат. Скажет солнцу—и не взойдет, и на звезды налагает печать. Он один распростирает небеса и ходит по высотам моря...»

и X, 15: «Если я виновен, горе мне. Если я прав, то не осмелюсь поднять головы моей. Я пресыщен унижением; взгляни на бедствие мое...».

Между прочим даже в языческом Риме, правда, в позднейший период, мы встречаем то же унижение человека перед божеством, быть может, углубленное не без иудейских влияний. Так, по рассказу Светония, Кассий Лонгин, проконсул Азии, осужденный Калигулою на смерть, накануне смерти видел во сне, что стоит на небесах пред троном Юпитера, и Юпитер единым толчком ножного пальца сбрасывает

его на землю. Юпитер представляется огромным, Кассий Лонгин—ничтожным. С другой стороны, нельзя сказать с уверенностью, о каком именно Юпитере идет речь, о небесном или о человеческом, ибо Калигула, умертвивший Кассия Лонгина, особенно любил принимать на себя образ Юпитера Капитолийского с громом и молнией в руках.

И именно этот пример ведет нас от человеческого ничтожества к человеческому обожествлению, ибо не только Калигула, но и все вообще римские императоры, начиная от Юлия Цезаря, заявляли притязание считаться воплощением Юпитера. В образе Юпитера они постоянно появлялись на монетах. Императоры вообще считались божественными, *divi*. Культ императора скреплялась огромная империя, от Галлии до Сирии.

Это обожествление человека приводит нас к другому пределу взаимоотношений человека и божества. На этом пределе человек различными путями, посредством упоения безмерною властью или, напротив, посредством самоотречения, экстаза, аскетизма, добровольного мученичества, может подняться выше богов, выше, чем целая вселенная. Воля его будет парить над миром. Каждый каприз, минутное желание встанет над миром, как непреложный закон.

Таковы в индуизме отшельники-аскеты, Саниаси и Риши.

Будда—это последнее воплощение этой идеи богочеловечества, синтез всех браманистских отшельников и мудрецов. Еврейский Ягве и индийский Будда представляют два рельефных воплощения двух противоположных и полярных идей, исключających друг друга. Еврейский Ягве унижает пред собой человека, как безвольную глину, как прах. Будда возвышается настолько, что совсем заслоняет богов и уничтожает их. Человек стал богом и перерос вселенную. Боги и вселенная обратились в Нирвану, в небытие.

Эта основная антиномия отражается в мифологии каждой религии. Так и в еврейской мифологии находим образы возвеличения человека, если не пред богом, то пред более мелким небесным населением, пред ангелами, пред высшими силами.

«Души праведников выше, чем ангелы небесные. Человек, не согрешивший, страшен для демонов и духов. Грешнику, напротив, страшны демоны и духи».

Безгрешный стоит с мечом против сонмища духов. Против грешников духи встают с мечом ¹⁴⁾.

Относительно изменяемости времени можно привести тоже целый ряд примеров. Так, в индусской сказке о чете попугаев ¹⁵⁾ отшельник говорит женщине Джаясундари: «За то, что в своей предыдущей жизни, в образе самки попугая, ты взяла у соперницы яйцо на шестнадцать «мугурт» времени («мугурта» — сорок восемь минут), в этой жизни ты была разлучена со своим сыном на шестнадцать лет».

Здесь является, таким образом, соотносительность двух периодов времени, принадлежащих разным ипостасям того же существования. И поскольку эти ипостаси связаны между собою, постольку и периоды времени связаны в общую пропорцию и как бы проэктированы друг на друга.

Индийское исчисление времени придает этой соотносительности периодов времени весьма громоздкую форму. Особенно учение джаннизма исчисляет чрезвычайно огромные и странные формулы времени. Так, П а л и я — это период времени, в течение которого колодезь, имеющий в ширину и глубину сотню яджанов (яджан — около 500 килом.) и набитый мелким волосом так плотно, что целая река могла бы пробежать по верху, не проливаясь в сплетение волоса, может быть вычищен, считая по волоску в столетие. Са г о р а п а м а имеет сто миллионов миллионов периодов Палия; периоды Авасарпини и Утсарпини имеют каждый по сто миллионов миллионов Сагора и, связанные вместе, составляют одну великую эпоху. Два последние периода имеют также особенное свойство. В течение первого периода людские тела и людские жизни убавляются, в течение второго периода жизни и тела вырастают.

Мы встречаем в этих периодах относительное изменение пространственного протяжения и промежутка времени, связанные вместе, и самое нарастание этих огромных периодов времени, очевидно, проистекает из желания подчеркнуть относительность их размера.

Грузинско-мусульманская легенда, приведенная Лермонтовым в сказке об Ашик-Керибе, повествует, как герой был чудесно перенесен всадником на белом коне (святим Георгием) из Арзиньяна в Арзерум, потом из Арзерума в Карс, потом, наконец, из Карса в Тифлис. Каждое из трех перенесений длилось «не более минуты» и сопровождалось закрытием глаз. В сущности говоря, оно несколько не длилось, а было вневременно. Закрытие и открытие глаз — это только необходимая перемычка от одного зрительного образа к другому,

в роде былинного «ударился об землю», «встряхнулся»; «прокинулся». В частности, закрытие и открытие глаз служит одной из любимых перемишек при переключении зрительных образов и целых миров. Закрывая глаза, человек выключает себя из одного зрительного мира. Открывая глаза, включает себя в другой зрительный мир. Самый момент переключения проходит в темноте, в небытии. Все это сочетание очевидно содержит лишь зрительные, пространственные образы, при полном отрицании, исключении времени.

По отношению к элементу третьему,—вневременным совпадениям бытия, можно установить наиболее тесную связь между древними и новыми религиями.

Христианство, например, изобилует примерами такого вневременного совпадения различных ипостасей бытия, которые возводятся обратно к язычеству и даже дальше того, обратно в первобытный анимизм. Самое понятие о Троице, «без лиц в трех лицах божества», вместо объяснения только с ремаркой: «тайна сия велика есть» именно и представляет отчетливый случай такого вневременного совпадения ипостасей. Три лица—одно, где бы, когда бы и как бы они ни проявлялись.

Далее третье лицо Троицы, дух святой, с его физическим воплощением в виде голубя, представляет элемент еще более древний. Голубка Афродита и голубь, выпущенный Ноем из ковчега, и душа, улетающая голубем из тела и прилетающая обратно под окно, голубь мира с оливковой веткой во рту, и этот мистический духовный голубь, конечно, происходят из родственной стаи голубей.

В рассказе Флобера «Простое Сердце» чрезвычайно рельефно представлено физическое восприятие Голубя Духа бесхитростным сердцем старой служанки, которая поклонялась, как Духу Святому, чучелу любимого попугая и в минуту смерти отдала свою последнюю надежду именно этому привычному и знакомому чучелу.

Не менее рельефным совпадением различных ипостасей является пресуществление Христовой плоти и крови в причастии, причем церковная доктрина с особенною настойчивостью подчеркивает, что в хлебе и вине именно плоть и кровь живого бога и в плоти и крови—само божество. Таким образом, Христос, воплощаясь в причастии, имеет не две и не три, а несчетное число ипостасей, постоянно возникающих и тотчас же исчезающих снова.

Здесь в христианстве такая же стилизация, умножение ипостасей, как в гиндуизме — стилизация и умножение периодов времени.

Католическая и православная церковь признают пресуществление хлеба и вина в истинную плоть и кровь Христову. Протестантские церкви признают сопричастие действительных тела и крови Христовых в Евхаристии вместе с хлебом и вином, так что вкушающий хлеб и вино Евхаристии причащается все-таки в ней действительных тела и крови Христовых.

Самое различие этих оттенков только отчетливее подчеркивает совершенно вневременный, глубоко айнмистический характер этих сочетаний.

В сущности говоря, все богословские идеи, относящиеся ко Христу, например, идея об его рождении и единосущности отцу, об его воскресении, об его двойственной природе, божественной и вместе человеческой, об исхождении духа святого только от отца или также и от сына и пр., представляют непрерывное сплетение вневременных совпадений бытия; и бесчисленные ереси и церковные распри, связанные с единоприродностью (монофизитством) и единоволіем (монофелитством) Христа, тщетно пытались эту основную двойственность превратить в единство.

Если с богословских высот христианского Олимпа спуститься вниз к иконам, изображающим божество и святых, мы встретим и здесь ряд многоипостасных совпадений.

Икона или статуя, по представлениям как православной, так и католической церкви, точно так же как и по представлениям античного язычества, не есть божество, но также и не является только изображением, символом божества. Она совмещает элементы того и другого характера. Особенно это относится к одноименным иконам одного и того же божественного лица. Иверская, Казанская, Тихвинская, Влахернская, Ченстоховская, Остробрамская богородицы и множество других, весь этот бесчисленный ряд изображений является, конечно, не столько символами, сколько воплощениями Марии, и только потому они имеют в себе чудодейственную силу. Мария расщепляется и воплощается в иконах, точно так же как Христос в причастии.

То же относится, хотя и в более слабой степени, к изображениям других божественных лиц, например, к иконам и статуям святого Николая Чудотворца и пр.

И только в связи с этим становится понятно, каким образом католический мир во все течение средних веков, насколько не смущаясь, обладал мощами, реликвиями в многоипостасном, умноженном виде. Мощи одного и того же святого, венцы и гвозди честного креста и пр. существовали сразу в нескольких местах. Это никого не шокировало, так как не противоречило общей религиозной концепции.

Более подробный анализ высших религий для наших целей в сущности является излишним, тем более что эти религии в общей постройке своей космогонии и мифологии, в сущности говоря, представляют лишь несколько измененное подобие того же древнего многобожия и даже еще более древнего анимизма. Будет достаточно указать только на основные пункты сходства религиозных явлений позднего периода и более первобытных явлений, уже подвергнутых анализу в предшествующих главах.

Так, непорочное зачатие Христа является только последним звеном длинной цепи внебрачных и даже внеполовых зачатий божества, героя, чудовища, о которых упоминалось выше. Распятие и воскресение Христа является последним вариантом легенды об умирающем и воскресающем боге, столь обстоятельно разработанной Фрезером в его многотомных исследованиях.

Умирающим и воскресающим богом является чаще всего бог жатвы и между прочим известная песня Бернса «Джон Ячменное Зерно» свидетельствует о том, как глубоко это представление коренится в народной психологии.

Кровь сердца Джонова враги,
Ликуя, стали пить
Из кружки; начало в сердцах
Ключем веселье бить.

В этом не только воскресение, но также и причастие верных кровью воскресающего бога.

Христианское представление об рае и об аде является только воспроизведением общего представления о трехъярусной вселенной, причем семь небес верхнего яруса и девять кругов нижнего яруса являются лишь расщеплением основного представления. И точно так же, как и в первобытных религиях, надо подниматься в рай, на небеса, и спускаться вниз, в ад. Такие нисхождения и восхождения совершают не только божествен-

ные лица, как Христос и Богородица, но также и смертные люди—отшельники, монахи, поэт-волшебник Дант и др.

«Божественная Комедия» Данта—концепция насквозь христианская и вместе насквозь языческая, даже анимистская, и один элемент никак невозможно отделить от другого.

Так же, как в анимизме, вся организация верхнего яруса христианской вселенной подобна организации нижнего яруса, и обе подобны организации земной. Небесные силы и воинства с Богом Саваофом во главе и адские силы и воинства с Сатаной во главе, и византийское или московское царство с цезарепапистской фигурой в центре представляют одни и те же социальные свойства и черты.

Население верхнего и нижнего яруса христианской вселенной во всем своем этнологическом разнообразии также проявляет совершенно первобытные черты.

В раю и аду обитают одинаково покойники-предки, т.е. праведники и грешники. Там же обитают и многообразные духи, большей частью враждебные человеку. В сущности, не только бесы, но также и ангелы часто враждебны человеку, например, ангел смерти или ангел, изгнавший пламенным мечом Адама из рая. Человек вообще склонен относиться к ангелам со страхом и недоверием, и недаром различные религии и различные церкви подчеркивают, что земной человек путем молитвы и самоотречения может подняться выше ангелов.

Что касается взаимоотношения бесов и людей (покойников), обитающих в аду, то и эти отношения чрезвычайно напоминают взаимоотношения духов-охотников первобытной религии с их человеческой добычей. Христианские бесы точно также схватывают душу человека и влекут ее в свое жилище, насильно, против воли. Они мучат грешников, очевидно не тела, а души, совершенно физическими муками, причем, как указано выше, муки эти обнаруживают определенную связь с кухонными операциями, т.е. с приготовлением пищи.

Третий составной элемент небесной этнографии—святые, которые поднялись с земли и все время думают о ней, охотно спускаются на землю, да в сущности и обитают на земле в различных престолах церквей, построенных во имя их. Святые это последний вариант сонмища местных хозяев, божков, Genii Locī, о которых говорилось выше.

Народные верования прибавляют ко всем этим образам еще более первобытные черты. Так, бесы, вместо адского

местожительства и помимо него, обитают в болоте, в озере, в омуте, под мельничным колесом. Этим они сближаются с местными духами-хозяевами, водяными и речными богами. Вся вообще нечисть и нежить тоже обретается не в аду, а на самой земле, в соответствии с разными мелкими духами первобытного периода. Далее с уровня могущественности бесы спускаются до уровня человеческой силы, подчас даже ниже того. Бес становится «мелким бесом». Человек ведет борьбу с бесом, обманывает его, одолевает его хитростью и даже открытой силой.

С другой стороны, бесы, подобно людям, соединяются в особые родственные группы. Не говоря уже о чорте и его бабушке, можно упомянуть целые рои мелких проворных, но все-таки пугливых бесенят, для которых матерый чорт является дедушкой.

Можно указать также и на крайнюю изменчивость размеров, свойственную всем этим бесам и ангелам, церковным и народным. Знаменитая средневековая задача из магической арифметики: исчислить, сколько миллионов бесов или ангелов может поместиться на острие иголки, имеет своим соответствием в народном фольклоре приведенную выше наговорную воду, в каждой капельке которой заключено по крошечному чортику.

Магическим орудием церкви являются одновременно молитва и обряд, которые в действиях священника связываются вместе. Таким образом священник замещает колдуна, в частности белого доброго колдуна. Магия церкви, как и магия шаманства, состоит в том, чтобы бороться и спорить с божественной силой до тех пор, пока не добьешься своей цели. Священник, совершающий моление о даровании дождя, равнозначен шаману, низводящему дождь на землю первобытными магическими средствами.

И в связи с молитвой, особенно с церковным коллективным организованным молением, мы встречаем последнее вневременное совмещение нескольких ипостасей бытия, раздельных и даже противоречивых.

Разные люди—и священники, и церкви, и целые народы—одновременно молят о разном. Одни о дожде, другие о ведре, или как в эту минувшую войну, священники каждой страны молились одному и тому же христианскому Богу о собственной победе над другими.

Это кажется, конечно, весьма противоречивым, но с точки зрения первобытной психологии здесь нет противоречия, а только вневременное совмещение, в стилизованном виде, совмещение молитв друг другу противоположных. И можно молить одно божество с разных сторон о противоположных даяниях и даже получить таковые.

ГЛАВА 7.

Таковы проявления идеи пространства и времени в кругу явлений собственно религиозных. Они, очевидно, вытекают из самого свойства наших восприятий объекта. Мы встречаем их поэтому и в точно таком же виде в различных областях и видоизменениях духовной жизни человека, сопредельных религии.

Прежде всего надо упомянуть обширную и странную область сновидений. В мире первобытных восприятий сновидения, сны, как известно, являются одним из главнейших источников нашего религиозного знания, можно даже сказать, религиозного опыта.

Человек видит во сне духов, чудовищ, покойников, встречается с ними при разных необыкновенных условиях, улетает в далекие места, потом просыпается и видит себя на том же самом месте. Он совершенно логично относит все эти видения к области неземного, сверхъестественного. Мир сновидений является тоже особой гипостасью бытия, в которую человек погружается реально каждую ночь. И эта гипостась находится с земным бытием именно в таком вневременном совпадении, какое указано выше. Люди и чудовища сонных видений, покойники, предки и сам спящий человек являются жителями этого странного мира. И в одних отношениях они подобны земным существам, а в других отношениях различны от них. Сновидения являются таким образом фактическим материалом, основанием, источником и реальным подтверждением для схемы анимизма.

О том, что сновидения являются, действительно, источником религиозного познания, свидетельствует множество фактов. Вещие сны, возвещающие волю богов, и различные способы их толкований протянулись от первобытной древности, через античные религии, перешли в христианство, и дотяну-

лись и до современности в разных писанных сонниках и устных разгадках. Нельзя, однако, не признать, что значение снов, как источников религиозного гадания, сильно ослабело, и постепенно превращается чуть не в пережиток. Мы не только перестали толковать наши сны, но вещие сны просто перестали нам сниться.

Тем не менее характер сновидений ничуть не изменился. Как бы мы ни объясняли себе физически и психологически происхождение и характер сновидений, этот странный мир до сих пор, не менее, чем прежде, является фактически для нас другою гипостасью бытия, в которую мы погружаемся так правильно и часто, вне всякой связи с временем и ходом нашей жизни на яву. Каждую ночь мы фактически лежим в постели и в то же время отправляемся в иной непонятный и неведомый мир.

Сновидения наши, однако, при видимой бессвязности, проявляют замечательные свойства. Если анализировать психические свойства наших сновидений, то мы с удивлением видим, что они совершенно совпадают со свойствами восприятий первобытного человека, настолько совпадают, что можно было бы сказать: наши сновидения древнее нас самих, наши сновидения—палеолитичны.

Мария Манасеина в своей превосходной работе: «Психология и патология сна», написанной по-русски, но потом переведенной на различные европейские языки (у меня под руками английское издание), приходит почти к такой же мысли, говоря: «Эти ретроспективные, автавистические сновидения (с убийствами, и разными жестокими и грубыми поступками) погружают нас в давно минувшие эпохи древних настроений человеческого рода»¹⁶⁾.

С другой стороны, Вундт доходит до того, что называет сновидение «временным нормальным безумием» человеческого духа. С таким же правом можно было бы считать нормальным безумием всю первобытную стадию жизни человечества. Для человека первобытного сновидения так же реальны, как действительность. В сущности оба эти мира для него подчиняются одному и тому же закону. Для нас мир сновидений является чем-то уже пережитым, каким-то психологическим анахронизмом.

Прежде всего психический метод сновидений имеет драматический характер. Человек разыгрывает во сне не только все

свои бывшие мысли и образы, но даже слова. Например, по указанию Абрагама ¹⁷⁾, одна дама желала выразить во сне, что знакомый ей скрипач—как высокая башня (Turmhoch), сравнительно с другими. Она увидела высокую башню и на башне скрипача. Мало того, какое-нибудь случайное восприятие, пришедшее со стороны, стук, дуновение ветра, внезапное ощущение холода, немедленно преобразуется в целое драматическое действие, по-своему стройное и внутренне убедительное. Современный человек является во сне прекрасным драматургом, хотя на яву он вообще лишен этой способности. «Драматический талант любого дурака во сне»,—говорит Маудсли ¹⁸⁾, «превосходит лучшие способности талантливого драматурга на яву».

Первобытный человек, напротив, обладает этой драматической способностью одинаково и безразлично во сне и на яву. Его духовная жизнь есть постоянное действие, мышление его—драматично. Первобытный человек является прирожденным драматургом и естественным актером. С этим связаны между прочим драматические пляски первобытных религий и раннее рождение театра. То и другое, как указано выше, рождается из основных анимистических представлений и идей. Но и самые идеи анимизма имеют в существе кинетический, драматический характер.

С другой стороны сны состоят частью из предметов и лиц нашей действительной жизни, хотя эти лица во сне действуют иначе, чем на яву, и иные предметы изменяются совершенно неожиданно и внезапно. В этом отношении мир сновидений совершенно подобен «потустороннему миру» фольклора и мифологии. И к вышеприведенной формуле относительно того что наши сны палеолитичны, можно прибавить и другую формулу: «Каждый из наших снов—это волшебная сказка, внезапно оживленная и приведенная в действие».

Связь и соотношение между нашим реальным и действительным миром и миром сновидений совершенно такие же, как связь между миром реальным и миром потусторонним, который тоже наполнен отображениями лиц и явлений действительного мира, чудесно измененных. Различие этих двух соотношений состоит в том, что мир сновидений возникает в своих объективных координатах совершенно актуально и, можно сказать, на наших глазах, и даже самый процесс этого преобразования реальности в «сонное мечтание» доступен наблюдению в некоторых выпуклых пунктах. Так, еще Гераклит заме-

чает: «Для тех, кто бодрствует, существует один общий мир, но тот, кто засыпает, удаляется из общего мира в свой особенный, замкнутый, частный мирок» (приведено у Плутарха, *De superstitiis*, 3).

Альфред Мори указывает, что однажды, когда он спал, его домашние стали постукивать об ножницы железной ухверткой. Ему тотчас же приснился набатный звон и в связи с этим вся обстановка революции 1848 года ¹⁹⁾.

Один из моих собственных знакомых как-то во сне заснул свою собственную руку и она стала нечувствительной, конечно, на короткое время. Спавший повернулся на спину и положил себе руку на грудь. Ему тотчас же приснился мертвец, который будто бы давит ему на грудь своей холодной рукой. И он проснулся с криком. Таким образом этот спавший мог наблюдать на собственном опыте сосуществование двух форм бытия, бодрствующей и сонной.

Сны и сновидения для нас внутренне реальны. Мы как будто каждую ночь, действительно, посещаем какой-то отдельный мир, хотя и остаемся на месте без движения. Наши сновидения для нас также убедительны, как и для наших палеолитических предков.

Что касается восприятий протяжения, пространства, то прежде всего нужно отметить, что сны, теперь, как и прежде, допускают произвольное и внезапное изменение протяжений и размеров. Малые вещи становятся большими, большие малыми. В этом отношении сны тоже следуют в общем правилу, установленному выше. Лица и явления активные, сильные, и потому опасные, представляются большими. Лица и явления, пассивные, слабые, робкие, представляются малыми.

Одни и те же предметы являются очень большими и вдруг сразу сжимаются в ничтожный комочек.

Австрийский врач Брах, который и сам был подвержен полудремотным галлюцинациям мышечных и осязательных ощущений, рассказывает, что при первом засыпании ему постоянно казалось, что тело его вырастает безмерно, становится все тяжелее и одновременно вспухает до звезды и вдруг в одно мгновение ссжимается в малую точку ²⁰⁾.

Эта галлюцинация, доступная нам в описании Браха, между прочим нередко встречается в легендах. Так, по рассказу Светония, Аттия, мать Августа, видела во сне незадолго до раз-

решения, что ее внутренности поднялись до самых звезд и затем покрыли все небо и землю.

Рассказы о таких же снах встречаются у различных народов. И можно думать, что при всей легендарности своей они содержат действительное описание видений, свойственных человеку. В этом—зерно реальности, заключенное в легенде.

С другой стороны видение это, хотя бы по описаниям Брахмы, стоит, чтоб на нем остановиться подробнее. X

Можно полагать, что идея пространства и времени, даже вне всякой астрономической и психологической связи, в самом начале возникла физический, как восприятие быстрого стремительного, порывистого движения, проходящего мимо, как вихрь, приходящего издали и снова исчезающего в пустоте.

От этого основного восприятия осталась склонность изображать протяжение динамически, как нечто живое, стремительно растущее и столь же стремительно умаляющееся и проходящее в единое мгновение двойную скалу изменений своей величины. Когда динамическое ощущение этой жизни протяжения начинает отходить, мы ощущаем его только в конечных его пунктах, в вершине и в пределе нисхождения.

Сон или полусон воскрешают древнейшие стадии этой жизни протяжения и снова заставляют его двигаться по скале.

По отношению ко времени наши сны совершенно совпадают с восприятиями первобытности. Они обнаруживают такую же способность растягивать время и несколько секунд превращать в ощущение часов и дней.

Неожиданный стук порождает сновидение, длинное и сложное, для которого этот сильный стук, преобразенный, например, в выстрел, является заключительным финалом. Такой неожиданный обратный порядок разворачивания сновидений почти заставляет думать об обратном течении времени во сне.

Исследователи вообще полагают, что человек переживает указанное сновидение в чрезвычайно малый промежуток времени, протекающий между различными стадиями психического восприятия внешнего звука, стука, во сне.

Альфред Мори в одном из своих сообщений рассказывает: «Я спал у себя в комнате и мать моя сидела у постели. Мне приснилась эпоха террора во Франции. Я присутствовал при сценах убийств и сам предстал перед революционным трибуналом. Я видел Робеспьера, Марата, Фукье-Тенвилля. Я спорил с ними. Потом меня судили и осудили на смерть. Меня от-

везли на тюремной телеге на площадь Революции. Я взошел на эшафот. Палач привязал мою шею к роковой доске гильотины. Он вдвинул доску на место. Нож упал и я почувствовал, как голова моя отделилась от тела. Тут я проснулся в агонии страха и почувствовал на шее холодное железо перекладины постельного полога. Она отвязалась и упала сверху, как раз на мою шею, и это ее я почувствовал, как нож гильотины. Все это длилось мгновение, но в это мгновение я пережил длинный ряд сложных приключений и событий».

В позднейшее время самая полнота этого описания вызвала сомнения, но, как совершенно справедливо замечает Бергсон ²¹⁾, можно найти точно такие же описания и в других работах, посвященных сну.

Впрочем о нашей способности переживать сложные сновидения в кратчайший промежуток времени мы можем заключить и прямо по ощущению момента пробуждения и по последним обрывкам исчезающего сна. Они встают на мгновение в нашей пробудившейся памяти и тут же расплываются и тают, как тают облака.

Тем не менее нельзя утверждать, что так называемое обратное течение времени во сне вполне объясняется вышеуказанными соображениями.

Э. Париш в своей известной книге о Галлюцинациях и Иллюзиях ²²⁾ приводит весьма интересный случай с молодым священником, который, лежа в постели, в номере гостиницы, услышал громкий стук в дверь и крикнул: «войдите!». Тотчас же вошло привидение огромного роста, — то были фигура и лицо хозяина гостиницы, странно измененные и увеличенные до гигантских размеров. Видение тотчас же исчезло с треском и грохотом и вошел хозяин гостиницы уже в своем обыкновенном виде и спросил: «В чем дело и что случилось? Тут раздался такой страшный треск».

Здесь представляется в весьма рельефном виде случай обратного восприятия времени, упомянутого выше. Образ вызван громким стуком, который раздался по всему дому и вызвал посещение хозяина, и его стук в дверь. Зрительное восприятие хозяина было тоже элементом сонного видения, точнее, полусонного. Однако внутренний процесс восприятия спавшего представил в ином порядке впечатления, полученные от каждого звука, и сделал стук в дверь предшествующим, а громкий стук

в доме последующим, причем между прочим фигура хозяина приняла огромные и грозные размеры.

Отчего произошла перестановка двух звуков во времени? Она не могла быть связана с внутренним расстоянием в восприятии обоих звуков, ибо первый по времени звук был также и громче и тем более должен был прежде дойти до сознания. Возможно, конечно, что стук в дверь, крепко связанный с фигурой самого хозяина, вместе с тем вышел и на первый (по времени) план восприятия.

Более вероятно, однако, то, что восприятие времени во сне вообще не совпадает с восприятием времени на яву. Самая кратковременность наших сновидений указывает в том же направлении. Так как объективно состояние сна длится несколько часов, то надо допустить, что и сны наши имеют объективно достаточную продолжительность. И хотя, быть может, мы видим сны не всю ночь подряд, все же объективная продолжительность каждого отдельного сновидения не может быть совершенно мгновенной. Мгновенное ощущение кратковременности сна в минуту пробуждения указывает просто на два разных ощущения, две меры времени, внутреннюю и внешнюю, которые, встречаясь друг с другом, превращают воспоминание сна в мгновенный снимок, вроде отдельного снимка кинематографа, т.-е. в представление чисто зрительное, пространственное, вне категории времени.

И так как наши сны гораздо первобытнее, чем наша явь, то можно допустить, что ощущение времени во сне тоже первобытно и еще не имеет определенной ориентации. Действительно, сновидения дают в сущности только определенные зрительные образы, которые потом нередко запоминаются. Из всех воспоминаний сна ярче всего именно зрительные. Восприятие времени во сне вообще чрезвычайно запутано и смутно, перескакивает от ощущения к ощущению, с огромными разделительными паузами и промежутками. И, вообще говоря, правильное настоящее течение времени отсутствует во сне.

Таким же дефектным, отрывочным характером отличается восприятие времени у первобытных племен и у детей. Они просто не замечают времени, да и не думают о нем. Это между прочим дает дополнительное объяснение тому, что первобытное восприятие существующих форм бытия всегда вневременно.

Далее, лица и предметы, видимые во сне, проявляют все то же первобытное свойство принимать несколько форм бытия,

существующих независимо от времени. Каждый из нас может припомнить сновидение, в котором такая-то фигура сначала являлась человеком, а потом по ближайшем рассмотрении вдруг оказалась зверем или птицей или чем-нибудь еще. Или, например, сам спавший видел себя во сне гуляющим по улице и вдруг как-то оказалось, что он без невыразимых и т. д.

Интересно указать, что хотя сны наши имеют по преимуществу зрительный характер, однако сновидения слепых, особенно слепых от рождения или с раннего детства, составлены из других ощущений, помимо зрительных. Они состоят из ощущений слуховых, осязательных, мышечных, вкусовых, обонятельных. Несмотря на то, сны слепых не теряют фантастического, сверх-естественного характера, связанного с «потусторонним миром». Звери, особенно собаки, и разные птицы представляются слепому одаренными человеческим голосом и способными к речи не менее, чем люди.

Один слепой описывал сон, в котором ему явился его друг, — такими словами: «Мне снилось, что он хочет испугать меня и внушить мне, что это не человек, а привидение. Для этого он толкал меня сзади, несколько боком». Иные из слепых имеют лишь слуховые сны. Один такой слепой слышал во сне голос призрака. Голос звучал очень грубо и кости призрака стучали друг о друга. Призрак гнался за человеческой жертвой с хрипением и стоном.

Тем не менее относительность размеров образов в сновидениях слепого, без зрительных ощущений, едва ли в состоянии выявиться определенным образом. Вся совокупность чудовищ и призраков, причудливых и странных фигур, которые так часто являются во сне, мало доступны сновидениям незрячих.

В связи с первобытными свойствами ночных сновидений, можно отметить тот замечательный факт, что детские сны вообще более осмысленны и связны, чем сны взрослых людей. Др. Зигмунд Фрейд упоминает об этом с некоторым удивлением и его объяснения этого факта далеки от ясности²³). Он приводит ряд детских сновидений и каждое из них является естественным продолжением дневной жизни на яву, но только в более приятной, так сказать, исправленной форме.

«В детских сновидениях, — говорит Фрейд, — бросается в глаза одна общая черта. Все они исполняют желания, которые днем зародились и остались неудовлетворенными. Эти сновидения являются простыми незамаскированными исполнениями желаний».

Таким же точно исполнением желания является, по словам Фрейда, и нижеследующий сон, который однако кажется ему не совсем понятным.

«Девочка около четырех лет, заболевшая детским параличем, была привезена из деревни в город. Здесь она переночевала в большой,—для нее конечно,—черезчур большой кровати. На следующее утро она рассказала свой сон, будто кровать была ей слишком мала, так что ей не хватило места. Это сновидение легко объяснить,—говорит Фрейд,—сточки зрения исполнения желания, если вспомнить, что дети часто выражают желание «быть большими». Величина кровати слишком подчеркивала маленькой гостье ее собственную величину, поэтому она во сне исправила неприятный контраст и сделалась такой большой, что большая кровать оказалась для нее слишком маленькой».

Вместо «исполнения желаний» гораздо естественнее подчеркнуть относительное изменение размеров, столь явно проявившееся в этом детском сне. Девочка, очевидно, во сне почувствовала себя большой, а кровать, напротив, маленькой и узкой.

Связность и осмысленность детских снов, о которых говорит Фрейд, станет для нас более понятной и естественной, если мы сопоставим ее с более первобытным характером детских восприятий и идей вообще. Психология сна ближе к дневной психологии ребенка, оттого между ними больше связи и сон так часто является продолжением действительности.

Сны первобытных племен, поскольку они нам доступны,—сравнительно с нашими собственными снами,—тоже являются более осмысленными.

Герберт Спенсер упоминает довольно известный рассказ зулуса, который видел во сне своего старшего брата. И брат потребовал у него: «Я хочу мяса. Зарежь корову!». Зулус отказал на том основании, что у него нет ни одной коровы, и последовал долгий многословный спор, в котором обе стороны потратили немало красноречия—во сне. В конце концов покойник избил живого брата, опять-таки во сне. «Когда я проснулся,—прибавил рассказчик,—я ощущал еще боль в боках от его ударов» ²⁴).

Эверард-им-Турн в книге своей об индейцах в Гвинее рассказывает следующий случай, вместе смешной и поразительный ²⁵):

«В одно утро я собирался подняться вверх по реке Эссе-квиба из становища, где мы простояли три или четыре дня, так как несколько индейцев у нас захворали. Оказалось, однако, что один из больных, индеец из племени макуши, был в полном бешенстве. Здоровье его поправилось, но он наотрез отказался грести, обвиняя меня в том, что в минувшую ночь я заставил его грести одного в челноке, вверх по реке, сквозь ряд труднейших водопадов. Его никак нельзя было разубедить в том, что это, действительно, было, и он упорно принимал свой сон за действительность. В конце концов он согласился сесть в лодку, но грести не стал, утверждая, что его очередь прошла.

Много раз и другие индейцы заявляли по утрам, что в эту ночь приходили такие-то и такие-то отсутствующие люди и наносили им побои. Они называли обидчиков по имени и долго растирали на собственном теле воображаемые синяки».

Я могу привести из собственных странствий пример, не менее отчетливый и яркий. Один из колымских казаков, с которым я как-то путешествовал по Чаунской тундре, однажды не мог удержаться от искушения и стащил по дороге с могильника какой-то чукотской старухи белую фаянсовую чашку, повешенную ее родней в виде загробного подарка. Мы поехали дальше, но на следующем ночлеге старая чукчанка явилась казаку во сне, «совсем как живая», и сказала ему: «Брат, а брат, отдай мою чашечку!». Было это верст за шестьдесят от могильника, но казак мой спорить не стал и вернулся назад, чтобы отдать похищенное.

Эти три сновидения первобытных людей, записанные одно в Азии, другое в Африке, а третье в Южной Америке, проявляют одинаковую связность и близость к действительной жизни. Поэтому эти сновидения были так понятны и реальны для видевших их людей.

Если вернуться опять к детским снам, именно к тому их элементу, который, по Фрейду, представляет приятное исполнение неудовлетворенных желаний, то нужно помнить вообще, что детский анимизм и символика во всей совокупности своей имеют такой приятный характер самоудовлетворения.

Детский анимизм и символика это все-таки игра: это «на-рочное», а не «всамделишное». Ребенок не перестает чувствовать себя не только актером, но и автором разыгрываемых драм и приключений, и он располагает их к собственному

своему удовольствию. Ребенок, играющий в охоту, не знает неудач. Куклы повинуются девочке-матери больше, чем шаману его собственные куклы и его собственные духи-помощники.

Атавистические переживания ребенка на яву и во сне представляют характерное сокращение предшествующей жизни вида, наиболее приспособленное к потребностям детского возраста, т. е. более безопасное и более приятное, наряду с особенной детской пищей и детской одеждой.

Анализ первобытного психического характера сновидений дает неожиданную поддержку взглядам Карла Абрагама и Зигмунда Фрейда и других на аналогию сновидений отдельной личности с мифами коллективной общественной группы. Сновидения относятся к мифам так же, как личная психология относится к общественной мифологии.

Так, например, предание об епископе Гаттоне и мышах, напавших на его башню огромными массами и прогрызших камень, совершенно соответствует индивидуальному сновидению. Такие сновидения с кишачными животными мелких пород довольно обыкновенны. И дальше мы увидим, какое участие принимают эти мелкие животные образы не только в сновидениях, но также и в галлюцинациях, алкогольных видениях и пр.

Другая черта этого предания, настойчивость враждебных образов в их стремлении добраться сквозь все препятствия к центральному субъекту, человеку, тоже составляет характернейшую форму навязчивой идеи об опасности, именно такую, которая проявляется во сне.

Слышно, как стену их лапки скребут,
Слышно, как камень их зубы грызут.

Это сцепление образов может одинаково относиться и к сновидениям, и к преданиям. Но только в сновидениях образы эти будут скорее иметь зрительную форму. Вместо «слышно» будет «видно».

ГЛАВА 8.

Галлюцинации, видения, гипнотическое внушение—подобны сновидениям, поскольку все эти переживания имеют первобытные свойства.

Галлюцинация, в сущности говоря, представляет сон наяву и она проявляет такую же наклонность к вневременному сочетанию различных представлений, зрительных и иных. Я приведу один любопытный случай, который представляет совершенно неожиданную аналогию галлюцинации и первобытного анимизма. Его упоминает Париш, ссылаясь на сэра Генри Голланда ²⁸⁾.

Одной даме внезапно привиделся образ сестры, жившей в другом городе. Дама подумала: «Если это не призрак, а, действительно, сестра, то она должна отразиться вот в этом зеркале».

Голланд, к сожалению, не сообщает, как окончилась эта любопытная проверка реальности видения и увидела ли дама в зеркале отражение своей галлюцинации. Из других примеров мы знаем, вообще, что более слабые случаи галлюцинаций можно, действительно, проверять свидетельством других неповрежденных болезнью чувств и восприятий. Так, увидев призрак человека, сидящего в креслах, можно подойти и сесть в эти кресла. Призрак тотчас же исчезнет. Мышечное чувство при первом вызове к действию сразу выправит заблуждение зрительного восприятия.

Однако, проверка галлюцинации отражением в зеркале напоминает нам общеизвестное представление, свойственное первобытному анимистическому сознанию, о том, что все вообще сверхъестественные существа, духи, покойники, оборотни, являясь человеческому взору, никогда не имеют тени и также не могут отражаться в зеркале воды. Оборотни, отра-

жаясь в зеркале, проявляют свой подлинный образ. Так, в Японии, если мужчина желает обнаружить, не является ли какая-нибудь очаровательная «мусме» в действительности лисицей, влекущей его к гибели, ему стоит только подставить этой «мусме» старое зеркало. В зеркале тотчас же должна отразиться лисья морда, острая и злая²⁷⁾.

Позднее то же представление перешло и на колдунов с ведьмами. Ведьма и колдун большей частью тоже не имеют тени. Сюда же относятся различные рассказы о том, что покойники, ушедшие «на тот свет», могут умереть там опять, но эта смерть будет уже окончательной, без надежды на воскресение. Суть этих представлений лежит в том, что все эти существа являются только двойниками, внутренней половиной людей. Когда и двойник умрет, больше ничего не останется и нечему будет воскреснуть. Двойник оттого не имеет тени, что он сам только тень.

Тень всегда представляется имеющей какое-то особое сродство с душой, сродство, которое нередко переходит в тождество. У эллинов души умерших просто назывались тенями. Гадес—царство теней. У множества первобытных народов существует такое же воззрение. Тень, которая так неотступно и бесшумно следует всюду за человеком, представляется какой-то странной сущностью, телесной и вместе абстрактной.

Я не говорил об этом раньше, чтоб не усложнять изложения. Но в сущности даже современный язык сохранил очевидные следы такого таинственного значения тени.

«Так исхудал—одна тень осталась».

На северном русском наречии и призрак, и тень называются одинаково: «стень».

Для того, чтобы не исчезнуть, покойник, двойник, умирая вторично, должен вернуться обратно на землю и воскреснуть в ребенке. Тогда из тени он станет реальностью, из половинного существа—целым существом, из двойника—двойным человеком, состоящим из тела и духа (тени).

Что касается проверки галлюцинаций свидетельствами других чувств, мы опять-таки имеем целый ряд примеров. Тот же Париш упоминает случай с молодым человеком, который имел галлюцинации слуха: ему казалось, что кто-то высказывает громко его собственные мысли. Чтобы проверить себя, он ушел в открытое поле, где не было поблизости ни дома, ни дерева. Только пахарь пахал вдалеке на значительном расстоянии. И

все-таки он услышал, как кто-то произносит громко его мысли. «Кто же это?», — сказал он себе. — «Ведь это не может быть пахарь. Он слишком далеко». Так он уверился, что у него галлюцинация.

Пахарь послужил объективным элементом для проверки. Зрительное ощущение выявило заблуждение слуха. В более тяжелых случаях галлюцинации проверка становится невозможной. Поврежденное чувство упорствует в своих показаниях и видение начинает приспособляться и просто ускользать от проверки. Так, привидение, сидящее в креслах, если подойти к нему ближе и попробовать сесть, тотчас же поднимется и уйдет, предупреждая проверку зрительного ощущения мышечным.

При дальнейшем развитии болезни пораженное чувство действует на другие чувства и увлекает их за собой. Галлюцинация становится полной. Призрак говорит, производит неприятные запахи или, напротив, благоухания, действует на мышечное и на половое чувство. Таковы средневековые инкубы ведьм и суккубы колдунов, т. е. бесовские мужья и дьявольские жены.

Что касается в частности оптической проверки галлюцинации отражением в зеркале, то надо предполагать, что в легких случаях проверка эта действительно возможна, и привидение не будет иметь отражения, а в более серьезных случаях отражение, напротив того, появится и будет участвовать в галлюцинации и подкреплять и дополнять ее.

В конце концов можно предположить, что духи и покойники, являясь первобытным людям в виде образов галлюцинации, порою допускали такую оптическую проверку и опровержение при помощи зеркала, не дававшего отражения призраков. Мы пришли таким образом к поразительному, но совершенно естественному выводу:

Представление о том, что духи, покойники и прочие сверхъестественные образы не имеют тени, частью основано на действительных фактах.

Другое замечательное свойство галлюцинаций, не менее известное и упоминаемое также Паришем, по описаниям Шарко²⁸⁾ состоит в следующем: «Наиболее обыкновенными формами видений в так называемой тяжелой истерии являются черные крысы, кошки, змеи, пауки, муравьи, сверкающие звезды, огненные шары и пр. Видения эти не бывают непо-

движны. Они или движутся по диагонали через поле зрения больного, или приходят из-за спины, проходят мимо и исчезают в пространстве. В окраске их преобладают два цвета, черный и красный (огненный)».

Прежде всего, что касается черного и красного цветов, само собой напрашивается сопоставление с шаманством, которое тоже бывает или черное, или красное. Черное шаманство обыкновенно считается злым, а красное добрым. Оказывается, что это позднейшее различие морально-общественного свойства в основе своей вытекает из цветовых различий восприятия зрительных форм, свойственного первобытному сознанию.

На раскрашенных рисунках, относящихся к шаманству, у разных племен, доброе шаманство всегда окрашивается красной краской, а злое—черной краской²⁹). В последующем развитии красное шаманство представляется и называется белым (дневным). Повидимому, зрение первобытного человека в дневном свете прежде всего различает самый энергический и яркий цвет—красный, и только впоследствии воспринимает весь сложный спектр белого цвета.

Очевидно в связи с этим значением черного и красного цветов, оба эти цвета связаны также с колдовством, с духами, с амулетами и пр. Дьявол одевается в черное или красное, или в черное с красным. Карлики и гномы, феи и эльфы часто являются в красном. Разнообразнейшие амулеты бывают то красные, то черные. Так, на острове Скаттери, в нижнем течении реки Шаннона в Ирландии, красная шерстинка, повязанная кругом шеи, защищает ребенка против злых фей и ягненка против фей и лисиц³⁰). В Англии, в Эссексе, моток красного шелка, повязанный на шею ребенку, помогает прорезываться зубкам. В Африке, в Конго, красная бусина служит шаману при лечении больных, как определитель источника болезни. В средневековой Германии черная шерстинка с девятью узелками служила для лечения вывихов. Ее обвязывали кругом вывихнутого члена. Таким образом, черная и красная одежда дьявола не происходит из адского мрака и неугасимого огня, как обыкновенно полагают, она связана с более глубокими и древними цветовыми восприятиями образов первичного экстаза, являвшихся людям.

Далее, животные образы, упомянутые выше, также весьма характерны и для алкогольных видений. Ящерицы, змеи и вся-

кая мелкая нечисть составляют обычный объект алкогольного воображения. Крысы, кошки, змеи, кривляющиеся обезьяны наполняют видения алкогольного *Delirium Tremens* (белая горячка). Больной топает и шаркает ногами по земле, раздавливая воображаемых насекомых. Потом неожиданно шлепает ладонью по бедру, чтоб убить паука, огромного и черного, который взбирается вверх по его телу.

Рядом с этими видениями мелких животных, различные исследователи указывают также и присутствие крупных зверей, баснословных чудовищ, великанов. Существуют даже особые термины для каждого рода этих животных видений. Мелкие видения называются—микрозооскопическими, а крупные видения—макрозооскопическими. Некоторые ученые пытаются устанавливать даже численные отношения. Так, по наблюдениям де-Санктиса, в случаях тяжелой истерии макрозооскопические видения составляют 62% всего числа видений, а в случаях легкой истерии только 35%.

«В алкогольных видениях»—продолжает де-Санктис,—«напротив того, преобладают микрозооскопические, мелкие образы». В общем, по Лифману, процент таких зооскопических, животных образов в алкогольных видениях доходит до 70%. Деласиув наблюдал их в пятой части всех случаев, а Наке в третьей части ³¹⁾.

Эти статистические данные не вполне сходятся друг с другом, но они все-таки чрезвычайно интересны.

Те же самые неизбежные кишашие крысы появляются в видениях гашиша. Физиологи стараются найти для этих видений особое физиологическое объяснение, которое должно составить естественный мост между общественно-психологическим и физиологическим подходом к изучению данных явлений.

Мы же с другой стороны должны указать непосредственную связь между этой кишашей нечистью—и кишашими чертенятами, кишашими шакалами религиозных и анимистических представлений человечества.

Серошевский в своих «Якутах» ³²⁾ между прочим упоминает шамана Тюсьпюта, который утверждал, что не может носить длинных волос, как полагается шаману. В длинных волосах у него заводятся маленькие духи ер, которые его немилосердно мучат и извести которых можно только стрижкой волос. Этот замечательный пример представляет неожиданное, но со-

вершенно неразрывное сочетание обоих представлений о кишашей нечисти,—анимистического и психиатрического.

Вместе с этой мелкой нечистью Париш упоминает и другой ряд видений, включающих гигантские фигуры. Так, Друз в одном из своих германских походов был остановлен гигантским призраком, который запретил ему переправляться через Рейн. Цезарь перед переходом через Рубикон встретил человека чрезвычайно высокого роста. Этот человек дал ему сигнал к переходу через Рубикон. Брут накануне битвы при Филиппах видел призрак Цезаря, огромный и ужасный, который предсказал ему поражение и гибель. Диону перед смертью явился огромный и страшный призрак, похожий на Эриннию.

Не менее интересными с нашей точки зрения представляются явления так называемого раздвоения или многократного расщепления личности. Две или несколько психических личностей как бы существуют вместе, причем только одна из них действует в каждую данную минуту. Другие дремлют, но и они в свою очередь готовы проявиться, когда дойдет их очередь. Иногда различие этих сосуществующих психических партнеров совершенно поразительно и даже граничит с чудесным. Так, французский врач Дюфуа де Блуа рассказывает о девушке 24 лет от роду, сомнамбуле с детства, которая в одном состоянии была совершенно близорука, а в другом прекрасно видела без всякой помощи очков ³³⁾.

Это между прочим совершенно соответствует анимистическому сочетанию двух ипостасей бытия с тем лишь различием, что здесь обе ипостаси проявляются линейно, во времени, и вместо вневременного совмещения только замещают друг друга.

Другие психиатрические примеры расщепленного сознания приближаются к анимизму другими признаками. Так, одна девушка имела целых пять личностей, включая основную нормальную. И вот, пребывая в этом якобы нормальном состоянии, она, бывало, встряхнется, перекувыркнется через голову и вступит в совершенно иное, новое психическое состояние.

Эта перемычка между двумя состояниями имеет опять-таки вполне анимистический характер, вплоть до самого слова «встряхнется», и до образа «перекувыркнется через голову». Былинный Вольга Святославич тоже, бывало, встряхнется, ударится об землю и сделается чем-то совсем другим, отличным от прежнего образа.

Так называемое «второе зрение» представляет типичную способность сочетать вместе два зрительных впечатления, совершенно независимо от времени. Способность второго зрения нужно признать действительно существующей, конечно, вне всяких пророческих толкований. «Случай с глазами М-ра Девисона» Уэллса представляет попросту воображаемый пример второго зрения, более навязчивый и длительный.

Гипнотическое внушение имеет все существенные свойства сновидения. Действующим фактором является внушение извне, которое влияет на оцепенелое сознание загипнотизированного лица так же точно, как стук, или порыв ветра влияет на сознание спящего человека, видящего сон.

Различие заключается в том, что сон превращает каждое полученное впечатление в причудливое и сложное разветвление, а загипнотизированное сознание разрабатывает полученное внушение в простом однолинейном порядке. Видения сна объективируются и соединяются в общую живую картину. Гипнотическое видение большей частью сохраняет свой первоначальный, простой, элементарный и суб'ективный характер: Я чувствую себя человеком, самим собою, и вдруг через несколько секунд я же чувствую себя маленькой девочкой, обезьяной, собакой и пр.

Возможно прибавить и объект, внушить, например, загипнотизированному видение медведя или льва, готового напасть, превратить для загипнотизированного уксус в вино, сырую картошку или репу—в яблоко или апельсин. Дальнейшее развитие этого момента, однако, невозможно. Внушенная идея не дает драматических разветвлений. В общем сновидение есть драма, гипнотическое внушение есть только монолог.

Суб'ективный характер превращения однако ничуть не отнимает у гипнотического внушения его основной первобытный анимистический характер. Так как больной чувствует себя чем-то совершенно различным от своего прежнего существования, то в сущности он переходит от формы к форме, от видения к видению. Впрочем, превращение имеет характер чередования и последовательности, т.-е. заключает в себе элементы времени. Вневременное существование форм того же бытия повидимому не проявляется. Вообще, быть может, возможно заключить, что гипнотическое внушение, как нечто более или менее искусственное,—не столь первобытно, как сон. С другой стороны именно гипнотическое внушение является

наоборот как бы простейшим элементом, отдельным кирпичем невозведенной постройки, окрашенной нитью, из каких сновидения ткнут свои пестрые и яркие ковры.

✓ Далее, психический опыт актеров, поэтов, романистов, содержит на яву и без всякого внушения элементы таких же превращений, правда, не столько отчетливые, как в работе внушения, но зато превосходящие внушенные образы сложностью и разветвленностью своего воплощения в жизнь. И это перевоплощение, не искусственное, а естественное, возникающее порою совсем произвольно, ничуть не является линейным, последовательным во времени, а напротив содержит элементы двойного сочетания, так как артист и художник никогда не теряют сознания своей основной первоначальной личности.

При всем том такое перевоплощение артиста, художника, актера, нередко заходит довольно далеко. Так, Флобер, описывая самоотравление мадам Бовари, три дня ощущал во рту явственный вкус мышьяку. Хорошая актриса до такой степени входит в свою роль, что порою достигает почти самообмана. Однако, ни Флобер, ни актриса ни на миг не теряют своей действительной личности. Эта своеобразная двойственность сознания артистов имеет очевидные признаки вневременного сосуществования форм.

Впрочем, и помимо утонченного художественного восприятия немногих обыкновенные люди тоже обладают способностью переживать такое перевоплощение и двойственность сознания, порою не без яркости и в чувстве, и в выражении.

Приведу, например, характерный пример из «Казачков» Толстого.

✓ «Ему ясно представилось, что думают и жужжат комары: «Сюда, сюда, ребята! Вот кого можно есть». И ему стало ясно, что он нисколько не русский дворянин, член московского общества, а просто такой же комар, или такой же фазан или олень, как и те, которые живут кругом него» ³⁴⁾ ↗

Можно пойти даже дальше и рассматривать самую память человека, как силу, содержащую в себе основное свойство соединять вместе зрительные образы и впечатления во вневременном порядке. Память отрицает естественное расстояние между зрительными картинками и, не обинуясь, ставит их рядом в порядке почти одновременном, т.-е. почти вневременном. В сущности говоря, память человека и представляет настоящее, доподлинное «второе зрение». Например, в эту са-

мую минуту я вспоминаю картины Нью-Йорка, Владивостока, Токио, которые я видел лет 20 назад. Эти картины пребывают сокрыто в глубине моего мозга, но я могу по желанию вызывать их снова с большей или меньшей рельефностью. А минувшую ночь я видел во сне одну из таких зрительных картин, такую яркую и полную, как сама жизнь. Таким образом, сновидение берет свои реальные элементы из склада памяти. Память содержит в себе живые элементы потустороннего, вневременного бытия.

Можно рассматривать и самый человеческий дух, как творческую силу, которая все время создает из реальных элементов образы, картины и т. д., более или менее яркие и продолжительные. Все эти образы существуют без отношения ко времени и последовательности. Их легко переставлять и перемешивать без всякого отношения к их истинному порядку, даже без перемены между ними и без связи с течением времени.

Память—это приемник прежних сокровищ человеческого духа; она сохраняет одинаково отвлеченные идеи и зрительные впечатления, но не обращает никакого внимания на элемент времени и последовательности.

Однако, если рассматривать ближе метод сочетания живых элементов, наполняющих память, то придется, как сказано выше, признать его не вполне вневременным, так как элемент времени все-таки входит в это сочетание зрительных картин, в виде перемены чрезвычайно короткой, определяемой быстротой движения мысли, быстротой ее перехода от явления к явлению.

Быстрота человеческой мысли еще не вычислена даже с приблизительной точностью. Мы знаем только, что она чрезвычайно велика и можем предполагать, что она так или иначе соотносительна быстроте распространения физической энергии, а стало быть и предельной быстроте распространения света. Таким образом, быстрота перехода в человеческой памяти от одной зрительной картины к другой могла бы соответствовать быстроте перехода солнечного света меж этими картинами в их непосредственной реальности. Вопрос об этом соответствии будет рассмотрен в моей второй работе.

В настоящее время дело идет не об этом, а о том, что память в значительной части случаев допускает перемену времени между своими элементами, но только очень короткую, почти молниеносную.

Однако, этот элемент времени совершенно несходен с обычным ощущением времени. Во-первых, он не имеет ориентации и допускает обратное или всякое иное произвольное течение событий. В этом отношении память еще произвольнее сна, сновидения, ибо мы можем вызывать картины прошлого и переставлять их по собственному произволу, что невозможно во сне.

Далее, этот элемент времени совсем не ощущается, как время, и мы ощущаем его только, как перемышку, прыжок, перерыв, изменение воспринимающего процесса.

Этот элемент времени, не имея длительности, не имеет и удлиняемости. Он всегда один и тот же. Мы не можем длить его и стоять в дверях на грани двух воспоминаний. Это все тот же выключатель-включатель, вроде закрытия—открытия глаз из сказки об Ашик-Керибе.

Было между прочим указано, что в значительном числе вневременных сосуществований участвует такой выключатель в различных вариантах: былинное «ударился об землю», «прокинулся», «встряхнулся», истерическое: «встряхнулся», «кувыркнулся» и т. д. Во всех этих случаях элемент перемышки отличается молниеносной кратковременностью, и, в сущности, ощущается, как пространственный прыжок, как иное, кинетическое восприятие пространства, вроде настоящего четвертого измерения. В чудесных превращениях наших сновидений, шаманских видений, всяких галлюцинаций, можно обнаружить присутствие таких же элементов перемышки. Например, приснилась собака, а в сущности это человек. Люди говорили с шаманом, и вдруг оказалось, что это не люди, а утки.

«В сущности», «вдруг оказалось» — это то же элементы молниеносно-кратковременной перемышки.

Однако, в ряде других случаев, где выдвигается вперед длительное сосуществование двух ипостасей бытия, элемент перемышки повидимому отсутствует.

Таковы Уэллсовский пример второго зрения, — племя бороро — как попугаи Ара; — и племя трумаи, как водяные животные, — и две ипостаси мышинового царства, — и все вообще параллели-проекции из мира земного и мира потустороннего.

Если поставить вопрос, как воспринимается сознанием такое длительное сосуществование ипостасей, то надо вероятно представить себе, что оно воспринимается прерывчато в виде постоянных молниеносных переходов от одной ипостаси к другой.

В различных эпизодах легенд есть явные следы такого прерывчатого восприятия. Например, в рассказе об околдованном человеке, бегущем вон из шатра:—Побежит, побежит, таянет кругом: все те же стены, обезумевает и побежит дальше. И в конце концов выбежал из спального помещения и тем самым выбежал из вселенной.—Здесь элемент прерывчатости совершенно ясен.

Или еще пример: заклинание человека, ночующего одиноко в поле (см. выше, стр. 64). Здесь все значение заклинания основано на неувидимо быстрой, вроде карточного фокуса, подмене одной ипостаси бытия другой ипостасью.

Такая же прерывчатость есть и в уэлловском примере длительного двойного зрения. Оба зрительные мира постоянно присутствуют вместе, но внимание переходит от одного к другому то быстрее, то медленнее.

Таким образом, в конце концов, быть может, все варианты вневременных совпадений, и коллективного, и одиночного, и длительного, и беглого, обнаруживают элементы переминышки, однократно-молниеносной или многократно-прерывчатой, и мы вместо исключения времени должны говорить о молниеносных промежутках пространственного времени, разделяющих картину от картины, ипостась от ипостаси, с крайней предельной быстротой смены двух восприятий.

Эти молниеносные промежутки пространственного времени как будто уже выходят за пределы нашего трехмерного восприятия пространства и принадлежат, как указано, к четвертому измерению пространства, которое таким образом из элемента умозрительного, доступного нам лишь по наведению, становится элементом, допускающим подход непосредственного восприятия, и, стало быть, наблюдения. Об этом будет сказано подробнее в моей второй работе.

Это развитие идеи пространства с исключением времени ведет нас в заключение главы к подтверждению уже намеченного вывода. Идея времени развилась позднее, чем идея пространства. Она менее ясна и закончена и рельефность ее не может сравниться с рельефностью пространства.

Продолжая анализ, надо вернуться от психологии взрослых к детской психологии.

Детская психология, как указано выше, в связи с законами атавистического переживания представляет свой собственный своеобразный анимизм.

Девочка, играя со своими куклами, сочиняет эпизод за эпизодом, драматизирует их и тотчас же воплощает в действительность. И в сущности она не отличается ничем от шамана, который исполняет вышеописанное лечебное заклинание с травками—небесными старушками.

Детские куклы вообще представляют наследие седого анимизма, и шаман тоже постоянно оперирует над куклами, при их помощи колдует и на них гадает.

Мальчик, изображающий локомотив, охотника с ружьем, разбойника или свирепого льва, перевоплощается в каждый из этих образов полнее и чудеснее, чем лучшие актеры. И в виде особого преимущества над всеми актерами, маленький актер является также и автором. Он сам создает свои картины и сам же разыгрывает их, он является всемогущим творцом своего маленького цирка. Вместе с тем автор, актер и герой, в этом тройном соединении, никогда не теряет сознания различия между жизнью и игрой. Мальчик-локомотив отлично знает, что локомотив это «по нарочному», а вот мальчик это «по всамоделишному»

С другой стороны в соответствии с законом детского анимизма, детский анимизм заключает в себе улучшенное издание мира, более приятную и удобоваримую пищу, специально приспособленную к восприятию детей.

Маленький охотник за львами в домашнем саду не знает неудач, воин всегда побеждает, стрелок постоянно попадает в цель. Обратная, черная сторона жизни исключена из детского театра и для детей не существует.

В восприятии внешних предметов детская психология совершенно совпадает с психологией первобытных людей. Так, в одном из рассказов Пьера Милля является маленький мальчик, по прозвищу «Камешек». Дело в том, что когда этот мальчик, бывало, упадет на панели и больно ушибется о камни, ему говорили в утешение, что камням на панели тоже очень больно от его падения. И вот как угроза против всех этих камней, он принял прозвище Камешек, а вернее КАМЕШЕК, написанный заглавными буквами, единый, неповторяемый, грозный и всемогущий. Этот мальчик в своем восприятии внешнего мира является таким же совершенно убежденным анимистом, как любой папуас, австралиец или эскимос.

Если, наконец, перейти от анализа суб'ективных восприятий к рассмотрению об'ективных проявлений духовной куль-

туры, мы опять-таки находим повсюду те же элементы относительности пространства и времени.

На первобытных рисунках, гравюрах и скульптурах вплоть до народов высокой культуры размеры предметов изменяются соответственно их важности, силе и власти. На египетских и ассирийских барельефах и стенных картинах, царь обыкновенно изображается значительно больше, чем другие фигуры. В особенности он превосходит побежденных врагов, связанных пленников и т. д. Так же точно и на мексиканских рисунках, изображающих бой, воин побеждающий гораздо крупнее воина побежденного. С другой стороны при встрече с богом тот же самый царь внезапно умалывается и становится из великана карликом. Я видел в Закавказье, в старинных армянских и грузинских церквях 10—15 веков, любопытные изображения в этом роде. Строитель церкви, большей частью князь, по имени такой-то, подносит божеству, престольному святому, эту самую церковь, как подарок, на блюде. Этот громоздкий подарок неизменно изображается, как детская игрушка пред лицом божества.

Такие же примеры можно найти на рисунках коряков, чукоч, эскимосов, например на тех, которые помещены в книге.

На детских рисунках человек, как главный центр внимания, изображается обыкновенно выше домов и деревьев, — «повыше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего», как сказано в былине таким же преувеличенным языком.

Язык жестов, в своем старании рельефно подчеркнуть размеры описываемых предметов, неизменно преувеличивает до крайности или преуменьшает их. Возьмем несколько примеров: «Т о л с т ы й» указывается жестом широким и круглым — толстый, как бочка. «М а л е н ь к и й» — крошечный, как ноготь, с отмериванием на собственном ногте. «В ы с о к и й» — высокий, как сосна. «Б о р о д а т ы й» — борода до пояса. «Л о х м а т ы й» — голова, как кудель. «Д л и н н о н о с ы й» — нос, как топор, и т. п.

Точно к таким же преувеличениям и преуменьшениям склонен так называемый поэтический язык, основанный в свою очередь на древних образах из области религиозной и космогонической, перешедших в область поэзии и литературы. Таковыми преувеличенными образами и уподоблениями изобилуют, как указано, русские былины. Напр., «Чара зелена вина в полтора ведра. Принимал чару единой рукой, выпивал чару единым духом». Или «палица весом в сорок пуд». Или «куда мах-

нет (Илья татаринoм), туда улица (среди татарской рати), куда перемахнет—переулок», и т. д.

Преуменьшенные образы реже, но тоже встречаются в песнях, в сказках, в пословицах. «Ее ноженки заплетались, о травиночку запинались». «Ниже тоненькой былиночки нужно голову клонить». «Мальчик с пальчик». «Тише воды, ниже травы». «Ни макового зерна во рту не имел», и т. д.

Я устранил умышленно, как указано в предисловии, из сферы моего рассмотрения все элементы чудесного, взятые в их необъяснимости и таким образом частично или всецело, признаваемые, действительно, за чудесные. Таковы вещие сны, содержавшие действительное предвещание, предсказания, предчувствия, распространение мыслей на расстояние и группы явлений, связанные со спиритизмом, которые парижский профессор и член Института Шарль Рише в своей новой книге: «Трактат Метаспсихики», вышедшей в прошлом 1922 году в Париже, торжественно называет греческим именем: *телекинезия*, т.-е. учение о механических проявлениях чудесного (столоверчение, выстукивание блюдечком, дощечкой), и *эктоплазмия*, т.-е. учение о материализации чудесного (материализация духов, руки в воздухе, фотографические снимки и пр.).

Нашей задачей является искать в так называемом чудесном объяснимости, а не довольствоваться необъяснимостью. Если даже допускать необъяснимость в области явлений, подлежащих нашему исследованию, то она не может быть частичною, а должна быть общею. Она должна выражаться не в исключениях, а в правилах. Вся сфера религиозных явлений, взятая в целом, притязает на чудесность, и нет надобности и возможности особо выдвигать вперед какую-нибудь отдельную сугубо чудесную область.

И в особенности приходится оттолкнуть, как ненужную, всю современную сферу перелицованной чудесности, которая стремится переодеться в одежду научности, основывает особые общества для изучения чудесности, напр., английские и американские общества психического изучения (*Society for psychical research*), с протоколами, с анкетами, со статистическими подсчетами чудесного, вводит в свои изыскания обстановку физических опытов, динамометр, фотографию.

Но вся эта научная мимикрия—водевиль с переодеванием—устраняет самую сущность явления и оставляет вместо него только ненужную и отвратительную шелуху.

Это до чрезвычайности ясно в связи со спиритизмом. Вопрос о спиритизме я отнес к заключительной части анализа. Доктрина спиритизма, вовлекшая в свою орбиту несколько миллионов человек, почти сплошь из так называемого культурного класса и в том числе не мало ученых естествоиспытателей и (реже) общественных деятелей, третьего и второго и даже первого ранга, не может называться религией, ибо она не образует всеобъемлющего учения. Ее нельзя назвать даже ересью, ибо все положительные религии, первобытные и высшие, заключают в себе явные спиритические элементы.

Новостью в спиритизме является именно его псевдонаучная арранжировка, его постоянное стремление что-то доказать химикам и физикам и всему вообще человечеству, вывести тайну из тьмы на свет божий, снять фотографию с иллюзии, с мечты. Спиритизм часто упрекают связанным с ним обманом. Это, конечно, грех большой, но все-таки не смертный. Астрология, алхимия тоже были связаны с обманами, с шарлатанством, что не помешало им с самого начала создавать реальное знание, астрономическое и химическое.

Шарлатанство спиритических медиумов, как и шарлатанство астрологов, связано прежде всего с неорганизованностью спиритизма и с малой обеспеченностью его присяжных служителей. Такое переходное, бродячее, необеспеченное состояние в свое время переживали, а отчасти переживают и теперь, литература, искусство, театр, повременная печать. Литературная богема и полуученая цыганщина — явления одного и того же порядка.

С другой стороны не надо забывать и того, что в сфере религиозных явлений, родственных им, куда относятся так или иначе явления спиритические, обман и шарлатанство, общественный психоз и психическое извращение издавна являются одним из основных элементов даже в самых застарелых, неподвижных и консервативных организмах. Жречество и священство издревле связаны с обманом и внушением.

Гораздо хуже то, что в отличие от алхимии и астрологии спиритизм оказался совершенно бесплодным и, несмотря на свою псевдонаучную форму, никуда не ведущим. В нем нет никакого экстаза, никакого темперамента, и в самом существенном он гораздо ниже любого шаманства, любой формы колдовства.

Круг его действия ограничен и однообразен; столоверчение, планшетка, перестукивание с духами, самоиграющие гитары, самолетающие подушки, материализованные руки, ноги. И можно сослаться на авторитет того же Шарля Рише, который приводит рядом два «протокола», один свой собственный, составленный в 1906 году, и другой составленный «исследователем» Желей в 1910 г. Оба работали с одним и тем же медиумом—женщиной Мартой, которая называлась также и Евой.

Оба протокола написаны почти в тождественных выражениях. Они описывают «воплощение руки», возникающей постепенно, и как бы повисшей на белой желатиновой ленте. Исследователь ощупывает пальцы, ногти, косточки, потом рука сжимается, ускользает и исчезает.

Как видно, в спиритизме образовался особый шаблон, за пределы которого никто не выступает.

С нашей точки зрения мы можем определить спиритизм, как ряд искусственных галлюцинаций коллективного типа, вызванных сочетанием внушения медиума и самовнушения группы. То и другое не достигает особенно высокого напряжения. Оттого и спиритизм вообще отличается вялостью, какой-то недостаточной настойчивостью и отсутствием фанатизма.

Вообще говоря, он не имеет никакой идейной точки отправления. Рише в предисловии заранее предупреждает: «Не ищите у меня туманных рассуждений о судьбах человека, о магии, о теософии. Я излагаю попросту факты и проверяю их истинность».

Не рожденный из идей, спиритизм в свою очередь не рождает никаких идей. И когда Рише от своих так называемых «фактов» переходит к выводам, он излагает плоским и неуклюжим языком какую-то беспомощную жвачку: 1) о духах-покойниках, дематериализованных, но сохранивших привычку к материализации, 2) об ангелах или демонах, механически могущественных, которые вмешиваются в человеческие дела загадочным и символическим способом.

Даже палеолитические люди мыслили не столь бессвязно, —я сказал бы—не столь безграмотно.

С искусственностью и бесплодностью спиритизма связана и его крайняя вульгарность—бессмысленные изречения загробных Наполеонов или Шекспиров, стоящие на уровне развития самих медиумов. В этом отношении спиритизм граничит

и сливается с хиромантией, с гадалками. Даже инструменты и орудия спиритизма такие же вульгарные, салонного, комнатного типа, — гитара, банжо. Спиритические духи не стреляют из ружья, не бросаются кинжалами. Они гораздо безопаснее шаманских духов, которые способны к трагическим действиям.

В житейском обиходе спиритизм совершенно бесполезен, мало того, он даже не вреден, — последняя степень бессилия. Из него не извлечешь колдовства, ни доброго, ни злого. Он не возвышается до пророчества и, несмотря на интимную связь с таинственными духами, не изъясняет притязания на руководство поведением людей.

Можно было бы считать спиритизм продуктом разложения современной религии, которая распадается на свои составные части, причем социологическая и этическая часть перешла к общественным учениям, часть философская к науке, церковная к общественным организациям. Мифология высшая и низшая остались без применения и как бы повисли в воздухе. Спиритизм мог бы считаться светским проявлением низшей элементарнейшей формы религиозного суеверия, медиатизированной формой культа предков, покойников и духов покровителей.

Однако, разрозненные элементы распавшейся религии вступают в иные сочетания, более замысловатые и более живучие.

Во всяком случае для нашего рассмотрения спиритический материал совершенно непригоден. Только естественно возникающие формы верований, коренящиеся в первобытности и органически связанные со свойствами человеческого мышления могут служить предметом плодотворного анализа. Дух Саула, вызванный Аэндорской колдуньей, имел смелость предсказать Саулу гибель. Нелепый дух Биен Боа, вызванный Мартой для Шарля Рише, ничего не говорит, кроме пустяков.

ГЛАВА 9.

В связи с этим новым анализом взаимоотношений религиозного субъекта и объекта выступает в другом свете новейшее этнографическое учение о религиозном восприятии преанимизма, древнейшего доанимистического состояния, о так называемой т а п а, безличном и всеобъемлющем религиозном состоянии. Это новое истолкование т а п а может отчасти служить и подтверждением правильности и самого анализа, самого подхода к предмету исследования.

О т а п а говорят многие новейшие исследователи, теоретические и практические.

Преанимистическое чувство не различает еще субъекта и объекта. Я и мир—одно. Или, как объяснил мне образно старый тунгусский шаман: «у моей души сотни рук и они так длинны—хватают до самых концов мира». То же самое выражено в известном отрывке из Иоанна Дамаскина А. К. Толстого:

О, еслиб мог вас всех обнять я,
Всю душу вместе с вами слить,
О, еслиб мог я без из'ятья,
Вас всех, враги, друзья и братья,
В свои об'ятья заключить.

Преанимизм в дальнейшей эволюции возвышается до пананимизма, потом до пантеизма.

В своей первоначальной стадии ощущения т а п а—это безличное всеоблакивающее ощущение жизни активной и вечной. М а п а есть вечная жизнь. Смерти вообще не существует, тем более смерти естественной. Первобытный человек даже в состоянии анимизма не хочет мириться с признанием естественной смерти. Его активная природа не допускает пустоты. По его представлениям смерть это убийство. Его совершает враг, видимый или невидимый, оружием или колдовством. Мно-

гие народы всякую смерть приписывают магическому действию враждебных колдунов и деятельно ищут виноватого.

С другой стороны такими же виновниками смерти являются «духи-убийцы», равносильные злым шаманам человеческого естества. Последним воплощением, синтезом духов-убийц является Смерть, образ телесный и вместе духовный. Фольклор всех народов изобилует рассказами о том, как сильный человек (шаман) пересилил смерть, взял ее в плен, завязал в мешок, повесил коптиться над огнем. И после того люди перестали умирать. В конце концов, однако, смерть освобождается. Большею частью ее освобождает сам шаман.

Между прочим обычная школьная фраза—силлогизм: «Все люди смертны. Кай человек, следовательно, Кай смертен» первобытному сознанию почти совершенно недоступна, как об этом свидетельствует фон-ден-Штейнен относительно народов бразильского водораздела Хингу³⁵).

Составляя с помощью переводчика простейшие вокабулы на языке бакайри, фон-ден-Штейнен дошел до вышеуказанного силлогизма и к крайнему своему изумлению увидел, что силлогизм совершенно непонятен не только бакайри, но даже и переводчику-индейцу.

Как это все люди смертны? Если никто их не трогает, они ни за что не умрут. Смерть—это насилие, это постороннее влияние.

В конце концов перевод силлогизма вылился так: «Я умираю. Мы умираем. Бывает, что люди умирают», т. е. вместо общей формулы подставлена частная.

Такое отношение к смерти показывает, что смерть вообще есть представление позднее, возникшее с началом анимизма. В безличной доанимистической стадии прямого восприятия смерти еще не было. Существовал, быть может, темный, инстинктивный страх пред непонятным, пред ударом, невидимо откуда.

Безличная та па все же является активным источником религиозной силы. Из та па возникает та бу, религиозное предписание, большей частью запретительного характера. Содержание та бу вообще совершенно конкретно. Та бу не имеет за собой личного религиозного авторитета, но тем более оно действительно. «Нельзя!», «грех!»—и кончено.

Но в сущности и до сих пор все религиозные запреты безличны и божественная воля, связанная с ними в качестве авто-

ритета, имеет совершенно внешнее значение. Важно не то, что «бог накажет», а именно то, что «нельзя!», «запрещено!». Можно наконец не веровать в бога, а верить в табу, избегать молчаливо числа тринадцать, гадать на чет-нечет, на вынется-сбудется. Такие гадания тоже совершенно безличны.

Можно напомнить прекрасный пример из романа «Воскресенье» Толстого.

«Третий член суда,—у него была привычка всеми возможными средствами загадывать на вопросы, которые он задавал себе.

Теперь он загадал, что если число шагов до кресла от двери кабинета будет делиться на три без остатка, то он вылезет, а если же не будет делиться, то нет. Шагов было 26, но он сделал маленький шагжок и ровно на 27-ом подошел к столу».

Этот третий член суда—человек разделявший левые взгляды и читавший запрещенные статьи. Гадание его, разумеется, совершенно безлично ³⁶⁾.

Безличная тапа—это всеобъемлющая матрица, из которой возникают позднее религиозные образы-духи.

К приятию идеи тапа можно подойти и другим путем, восходящим. Как известно, у множества народов в расцвете анимизма существует одновременно с духами и хозяевами вещей какое-то странное представление о верховном существе, о божестве-творце, стоящем над миром. Христианские миссионеры раньше считали это представление остатком древнейшего единобожия. Люди научного образа мысли испаривали существование такого божества, но факты, подтверждающие это, слишком многочисленны.

Спор этот продолжается и теперь с неослабным упорством. Например, редкий номер английского трехмесячника «Folklore» не содержит статьи об «отце», о «творце», о «вседержителе», или о чем-нибудь в этом роде.

Некоторые из новейших ученых пытались найти естественное объяснение этим фактам, но все это остается лишь в области дедукций и догадок. Так, А. Ланг говорит: «Коль скоро человек стал творцом вещей под воздействием культуры, он может составить себе идею о всеобщем творце вещей ³⁷⁾.

Профессор Леуба старается найти для высшего бога «особый и независимый источник»,—и точно также говорит: «Вышний бог по преимуществу Творец» ³⁸⁾.

Другие исследователи проводят параллели социологического свойства. «Почему бы вождь богов не мог естественно преобразиться из вождя людей»³⁹).

Все эти рассуждения однако слишком рассудочны и прямолинейны. Религиозные идеи не возникают путем рассуждений ни в первобытное время, ни также и теперь.

Первобытный человек не строит силлогизмов о творце вещей. Что касается «вождя богов» и «вождя людей», то вообще первобытная общественная организация слишком несовершенна, чтобы влиять на идеи и представления людей.

При более подробном и внимательном рассмотрении оказывается, что это центральное верховное божество первобытных людей сильно отличается от активного бога монотеистов, в особенности же от семитического настойчивого бога Иеговы-Аллаха. Верховное божество первобытных людей—это существо довольно странное, пассивное и вялое, живущее где-то высоко на крайнем пределе небес, недоступное человеку. Оно не имеет никакого интереса к земле и к человеческим делам. Божество это—старинное «от начала времен», «от первых дней творения», но в настоящее время оно как бы удалилось от дел. Этот бог вечно почитет от трудов. Этот бог, так сказать, одряхлевший, ущербленный, отставной. В одном из сибирских рассказов Короленки выдвинуто такое представление об ущербленном боге, свойственное русским поселенцам на Лене, полувыродившимся и совершенно одичавшим. «Старенький, стар, а все мало-мало делами правит».

формула эта, однако, не русская, а инородческая, очевидно, заимствованная русскими.

Даже и в сотворении мира центральный бог принимал какое-то пассивное участие. Точный перевод его имени на многих языках есть не «творец», а «тот, кто побудил мир сотвориться». Дальнейшее приведение мира в порядок принадлежит не творцу, а другому мироустроителю, более активному, божественному герою-посреднику, прародителю людей, зачинателю культуры, главному и первому изобретателю.

Дальнейшее развитие этого круга идей привело у одних народов к дуализму, к двубожью, причем один бог представляется верховным и благим, но пассивным, а другой бог—подчиненным, активным и злым.

У других народов развитие тех же идей привело к превращению бога № 2 в особого посредника между творцом и

людьми, с бесчисленными вариантами, от греческого полубога Прометея до христианского богочеловека Христа.

Факты, относящиеся к различным моментам этого развития, поражают многочисленностью.

Так, например, верховное божество якутов Урюн-Айы-Тойон—«светлый творец господин» обитает на седьмом или даже на девятом небе, далеко от людей. «Послав часть своих детей на землю жить, он перестал интересоваться их судьбой и совсем не вмешивается в дела людей по собственному почину и также не любит, когда к нему являются с докукой. Однажды ему доложили, что явилась с земли его дочь ходатайствовать о брате, попавшем в беду. Он чрезвычайно рассердился и между прочим сказал: «Когда я спускал их на землю, я не говорил им: «приходите назад!» Если они распложаются, пусть распложаются. Если умирают, пусть пропадут» ⁴⁰⁾.

По воззрениям Ленапе в Северной Америке, творец обитает на двенадцатом небе и выше, «ухо его отстоит на двенадцать полетов голоса». Он поручил младшим духам управление землею и вверил им судьбу людей ⁴¹⁾.

Также и в Африке у народов банту центральный бог чрезвычайно пассивный и вялый и потому на него вообще не обращают внимания.

Мария Кингслей, южно-африканская исследовательница, говорит по этому поводу: «Он называется различными именами, Анзамби, Ниам, Укуку, Суку, Нзам. Но при более внимательном исследовании оказывается, что Нзам племени фанов совершенно совпадает с Суку племен, живущих на Южном Конго. Все эти племена считают, что творец создал землю, растения, людей и животных, и, создавши все это, утратил к своему созданию всякий интерес. Вместо него мир наполнен толпой разнообразных духов, которые уж слишком интересуются людскими делами, и люди племени банту желали бы, чтоб было как раз наоборот, и они выражают это постоянно в своих молитвах, которые направлены именно по адресу этих духов, и сущность которых такова: «Пожалуйста, уйдите! Нам вас не нужно!» ⁴²⁾.

Что касается представления банту о самом центральном божестве, оно совершенно совпадает с представлением якутов. «Он очень ленивый», говорят о божестве люди из племени аниамба. «Чистый бездельник. Бросил все дела на свете, и думает лишь сам о себе».

По сообщениям полковника И. Шекспира, люди из племени лушей в Ассаме в северо-восточном углу Индии, наравне с другими соседями, полагают, что верховный творец теперь перестал заботиться о людях ⁴³).

Я желаю еще раз подчеркнуть этот первоначальный пассивный характер бога творца, и последующее его отдаление от дел, самоизолирование от людей на высочайших небесах, вообще указать на его отставное положение. Бог творец — изначальный, старинный, пассивный и раньше, но теперь отставной.

Разбирая варианты этого странного образа, мы видим двубожный, дуалистический миф о сотворении мира, который встречается на всех концах земли. Белый бог и черный бог работают над сотворением мира. Белый бог могущественнее, но ленивее. Ему не охота лезть в воду. Он посылает черного бога: «Нырри на дно морское и принеси немного ила». Черный бог в образе гагарьем ныряет и приносит ил в собственном клюве, потом выбрасывает ил перед белым богом. Белый бог благословляет ил, точнее совершает магическое заклинание. Ил начинает расти и превращается в материк. Но черный бог утаил в клюве часть ила, для собственного творчества. И эта часть ила под действием заклинания тоже начинает расти и душит черного бога. «Выплюнь, выплюнь!» кричит белый бог. Черный выплевывает ил и из этой части ила вырастают горы и камни.

После того они переходят к созданию человека, и жены его, к наделению его различными свойствами и т. д.

Двубожный миф имеет на земле огромное распространение от самоедов и якутов на севере до культурных народов Ирана. Взаимное отношение еврейско-христианского бога-саваофа и враждебного ему сатаны в значительной степени отразили ту же двойственность. Многие христианские секты, павликиане, катары, богомилы и пр. полагали в основу своей космогонии именно этот двубожный миф.

В другом распространенном варианте этого же мифа о творении, — бог № 2 стал богом-посредником, отцом людей и заступником за них перед высшим божеством. Иногда этот бог-посредник враждебен высшему богу, как греческий Прометей был враждебен Зевсу. Иногда, напротив, он является любимым сыном высшего божества, как Иисус Христос. Во всяком случае на нем лежит специальная забота о делах земных

и человеческих. Это бог второго сорта, полубог, но зато полубог человеческий.

Помимо этих центральных образов мир и земля наполнены толпами разнообразнейших духов, которые являются уж чересчур активными и вмешиваются в людские дела больше, чем надо. Эти мелкие боги и духи суть настоящие владыки вселенной.

Откуда возникли эти странные и противоречивые представления? Какое значение имеет центральная фигура, пассивная и даже отставная, часто удвоенная и в конце концов исчезающая и тающая в толпе духов анимистического характера?

Источником происхождения всех этих образов является древняя до-анимистическая безличная та па.

На первой ступени мироощущения, при слиянии субъекта с объектом, микрокосма с макрокосмом, личного Я с вселенной, при полном отрицании, неприятии смерти, чувство та па должно было иметь светлый и бодрый оптимистический характер. С первым раздвоением целого, с отделением маленькой личности от огромной вселенной, в сознание человека вошло чувство опасности и вошел ужас. Его осенило предвкусение смерти, страх тьмы. Из этой тьмы возникли кишачирующие духи, дающие смерть. Они родились на периферии, на внешней окружности восприятия вселенной, и встали вокруг человека огромным кольцом. Окружность вселенной противоположна и враждебна центру ее, человеку.

Древнее чувство единства вселенной, слияния субъекта с объектом, старалось отталкивать ужас и смерть и по своему бороться с этим наступлением враждебной силы духов. Оно как бы отделилось от периферии и сгустилось к центру и тоже получило олицетворение в виде образа огромного и смутного, благого и пассивного. Образ благой, потому что и та па благая.

Этот доанимистический образ в новом кругу анимистических образов был ощущаем, как старинный, и уже потерявший свое первоначальное значение. Безличная та па была всеобъемлюща, всемогуща. Личный центральный бог—это прошлая сила, это бог отставной, отступивший назад, наполовину добровольно. Это часть вместо целого, центр вместо окружности, по вечному закону замещения. Точно так же и в социальном кругу вождь замещает общину и к нему переходят са-

мые интимные права общины вплоть до «права первой ночи». Эта эволюция религиозного мироощущения имеет почти астрономический характер. Мапа словно сферическая туманность. Анимистические духи—отделение и развитие периферии. Центральный бог—центральное сжатие туманности.

Вторая центральная фигура, бог № 2, враждебный или посреднический, является каким-то ложным центром, центром замещения, создающим переменное движение мира с эксцентрическим уклоном.

Если сопоставить этот анализ мироощущения в его распадении на субъект и объект, на человека и враждебную массу духов, — с предыдущим анализом восприятия пространства и времени, можно сделать ряд дальнейших выводов.

Основываясь на аналогии двух восприятий вселенной, психически-религиозного и физико-математического, можно, исходя из безличного религиозного мироощущения, поставить по крайней мере отчетливый вопрос, не включает ли и развитие физико-математического восприятия вселенной такую же первоначальную безличную ступень, предшествовавшую точному восприятию пространства и времени в их взаимных соотношениях. Восприятие пространства и времени с самого возникновения является стремительным порывом, бысролетным движением, приходящим издали и опять уходящим в даль. Начало этого восприятия вероятно предшествует человеческому состоянию и даже по зоологической лестнице спускается вниз достаточно глубоко.

Первое восприятие пространства и связанного с ним времени могло принадлежать беспозвоночным животным подвижной и активной конструкции, плававшим свободно в воде и таким образом составлявшим по отношению друг к другу ряд свободных и независимых систем.

S , S_1 , S_2 и т. д. из анализа новейшей физики, прежде чем сделаться алгебраическими изображениями свободно плавающих в пространстве миров, были первоначально простыми бактериями, плававшими в водной среде.

ГЛАВА 10.

Сводя вместе все указанные факты, получаем нижеследующие выводы. Явления религиозного мира вместе с явлениями из других сопредельных областей, в сущности говоря, ничем не отличаются от всяких других явлений, как субъективных, так и объективных. Они подлежат восприятию, а также наблюдению и, стало быть, и исследованию при помощи измерительного и общего сравнительного метода. В области измерительной они имеют свое собственное пространство и собственное время и в этом отношении составляют особую систему S , свободную и независимую от нашей земной системы. И только в такой независимой концепции они воспринимаются человеческим сознанием.

Пространство и время, свойственные им, имеют относительный характер. И в этой относительности можно установить три основных элемента:

1. Изменчивость величины образов религиозного мира в их отношениях к людям и постоянные переходы по двойной шкале возрастания и убывания от форм миниатюрных к формам гигантским.

2. Изменчивость наполнения времени, растяжение и сжатие времени. Отсутствие общего критерия времени, отсутствие одновременности.

3. Вневременное совпадение различных ипостасей одного и того же бытия, коллективных или одиночных, длительных или кратковременных, которое в конечном счете допускает в виде перемычки молниеносные промежутки пространственного времени.

Такие измерительные свойства явлений религиозного мира и других сопредельных областей превращают их в своеобразную группу, отличную от других явлений бытия, как объективных, так и субъективных.

С другой стороны основным свойством человеческой памяти и человеческого воображения является способность создавать образы, подобные религиозным по изменчивости изменений, соответственно пунктам 1 и 2, и сочетать их вместе особым способом, соответствующим пункту 3.

И в конце концов основное отличие явлений религиозных и родственных им от других восприятий бытия, имеющих реальные образы, определяется только поправкой на объективность.

Явления религиозные и родственные им мы способны сознавать, как фиктивные, другие явления бытия сознаем, как действительно существующие.

Надо указать, однако, что поправка на объективность не является чем-то постоянным для всего человечества.

У первобытных племен поправка на объективность совершенно иная от нашей. И самые чудесные и странные явления из области религиозной кажутся людям первобытным несомненно и реально существующими. И у нас нет никакого подхода к тому, чтобы разубедить их и рассеять это предполагаемое их заблуждение.

В галлюцинациях, в алкогольных видениях и в детской психологии поправка на объективность до известной степени существует.

Сюда относится проверка восприятий одного чувства восприятиями другого, детское определение реальности и игры, как «всамделишного» и «нарочного». Впрочем, в том и другом случае грани между реальным и воображаемым очерчены довольно непрочны, и каждое усиление эмоции способно опрокинуть и смять их и создать твердую и слепую веру именно в воображаемое, как у галлюцинирующего человека, так и у ребенка.

Наконец, во сне всякая грань между реальным и воображаемым, повидимому, отсутствует. Мы выражаем это, говоря: «у снов есть своя собственная логика». «Логика снов» совершенно не совпадает с логикой яви и, вероятно, никогда не будет совпадать. Помимо этой своеобразной логики сна мы совершенно не можем представить себе сновидения. Бывают, конечно, сновидения, так сказать, будничного свойства, но они совершенно не типичны. Типичны для сна именно другие, неожиданные сочетания различных признаков, неожиданное, немотивированное превращение форм бытия.

Мы пришли таким образом к вопросу об объективном бытии, которое так или иначе является основой для утверждения всех наших идей и всех наших восприятий. Мы можем пока условно принять существование объективного бытия, как это допускает огромное большинство философских и психологических доктрин. И такое допущение будет для нас абсолютным. Однако, проявления и формы этого объективного бытия, после анализа Эйнштейна, стали для нас относительными. Вторая часть теории относительности, общий принцип относительности, связана именно с этой относительностью проявлений бытия и наших восприятий его. Оригинальность теории Эйнштейна в том состоит, между прочим, что он разрушил эту антимонию между бытием и восприятием и слил их вместе. И вместе с тем он доказал отчасти умозрительно, а отчасти при помощи вычислений и даже прямых наблюдений, что все наше знание внешнего мира есть только знание, замкнутое в себе. И вне этого знания не существует никакого иного.

Криволинейность пространства, как такового, со включением времени, как четвертого измерения, четвертой категории пространства, превратило пространство, как трехмерное, так даже и четырехмерное—в замкнутую форму, предельную для нашей способности восприятия, но тем не менее действительно существующую, как мысленная ограда нашего собственного мира, и, если угодно, как преддверие, порог, какого-то иного мировосприятия, запредельного и недоступного для нашего познания. Частный принцип относительности устанавливает относительность наших восприятий бытия. Общий принцип относительности устанавливает относительность самого бытия. И только существование этого объективного бытия в какой бы то ни было форме, осталось для нас абсолютным,—пока, в ожидании дальнейшего.

Относительность бытия делает бесцельной и всякую поправку на объективность. Исчезает различие между знанием реальным и знанием воображаемым, условным. И все наши восприятия, в том числе и религиозные, становятся равноправными элементами нашего познания мира. Все наши знания условны, поэтому особой категории знаний сугубо условных не может существовать.

Мы можем, таким образом, наше воображение считать такой же познавательной способностью, как зрение и слух.

Сны и галлюцинации можем считать, столько же реальными или ирреальными, как явления так называемой ас-
ствительности.

Самые причудливые формы религиозных или поэтических представлений мы можем считать отображением каких-то неизвестных нам концепций бытия. «Синяя Птица» Метерлинка, «Сон в летнюю ночь» Шекспира, легенда о Прометее, Легенда о «Чесоточном Шамане» и легенда о Христе—все это осколки наших представлений о мире, и нам придется признать их, как таковые.

Таким образом, мы перешли от частного принципа относительности к общему принципу относительности—и в отмежеванной нами области—к исследованию религиозных явлений в их совокупности, как какой-то общей формы восприятия бытия.

Однако, для такого исследования у нас нет достаточных предпосылок из области опытных наук, биологии, физиологии, психологии, нет также подготовленных материалов и в самой религиозной области. Вместо общего исследования приходится выбрать какой-нибудь отдельный пример и в анализе его попытаться установить взаимоотношение религиозного восприятия и общей формы восприятия бытия. Весьма характерным примером является восприятие смерти в аспекте психологическом, поэтически-литературном и религиозном. Смерть является фактом не только объективного восприятия, но, быть может, и фактом абсолютного бытия, в форме его прекращения и отрицания. А восприятие смерти человечеством и человеком является фактом из области религиозной и поэтической.

Таким образом и в этом вопросе наблюдается смычка между реальностью и мнимостью. И, в связи с этим, естественным продолжением первой работы является вторая:

«Восприятие смерти человечеством, в отношении пространства и времени, динамического устремления, усилия или распада».

Основным материалом для анализа, как прежде, послужат сказания и легенды, погребальные обряды и заклинания, как плоды коллективного творчества, а также и литературные источники, как плоды творчества индивидуального. Но в отличие от первой работы, литературный материал, за скудостью материалов собственно научных, будет занимать особо выдающееся место.

Примечания.

1. О. Д. Хвольсон. Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание. Петроград, 1922, стр. 6.
2. А. Умов. Характерные черты и задачи современной естественно-исторической мысли. Дневник второго Менделеевского съезда 25 декабря 1911 г. № 5.
3. Страбон. География. Книга VII, 3, 4 (стр. 219).
4. A. Skinner. Menomini Culture. New-York, 1921, p. 173.
5. A. Skinner. О. с., p. 67.
6. W. Bogoras. The Chukchee. Part III, Religion, p. 295 (VII том серии изданий северо-тихо-океанской экспедиции Джезупа, — Jesup North Pacific Expedition, New-York—Leiden, 1909).
7. Australian Folk-tales. «Folklore» (трехмесячный журнал на английском языке), 1909, p. 485.
8. David Mac-Ritchie. Статья о великанах (Giants). Hastings Encyclopedia of Religion and Ethics, Vol. 6, p. 489.
9. Leland I. Duncan. Fairy Beliefs from County Leitrim, «Folklore», Vol. VII, 1896, p. 163.
10. I. A. Mac-Culloch. Статья о феях (Fairies). Hastings Encyclopedia, vol. V, p. 689.
11. Л. Я. Штернберг. Гиляки (оттиск из Этнографического Обозрения, кн. 60, 61 и 62), Петроград, 1905, стр. 44.
12. Karl v. d Steinen. Unter den Natur-Völkern Central-Braziliens, Berlin, 1895, p. 307.
13. A. Skinner. The Lenape. New-York, 1921, p. 65.
14. Изречение комментатора Hura ben Abium. W. Bacher Agade von Aramäer, v. III, p. 26.
15. «Сокровище сказок», английский перевод С. Н. Tawney, London, 1895, p. 53.

16. Мария Манасейна. Психология и патология сна. Англ. перев. Sleep. Its psychology and pathology. London, 1897 р. 319.
17. Др. Карл Абрагам. Сон и миф. Москва, 1912, стр. 84.
18. Ф. Маудсли. Сон и сновидения. Петербург, 1895, стр. 30.
19. Alfred Maury. Le sommeil et les rêves. p. 161.
20. Brach. Medicinische Zeitschrift. d. Vereins für Heilkunde in Prag. 1837, № 5. Цитировано по Манасейной, стр. 287.
21. Henri Bergson. Energie Spirituelle, p. 133.
22. E. Parish. Hallucinations and Illusions. London, 1897, p. 93.
23. Зигмунд Фрейд. Психология сна. стр. 17—18.
24. Герберт Спенсер. Основы социологии, стр. 89.
25. Everard im Turn. Among the Indians of Guiana. p.p. 344-5.
26. E. Parish. O. C. p. 256.
27. W. G. Aston. Japanese Magic. «Folklore». Vol. XXIII, 1912 р. 184.
28. E. Parish. O. C. p. 35.
29. Bogoras. Religion. p. 32. fig. 233.
30. Th. I. Westropp. A. Folklore Survey of County Clare. «Folklore», Vol. XXII, 1911, p. 53.
31. De Sanctis. I sogni e il sonno, 1896, p. 184.
32. В. Серошевский. Якуты. Петербург, 1896, стр. 625.
33. British Medical Journal. 1 February 1896. Цитировано по Манасейной, стр. 130.
34. Сочинения Толстого, издание 1886 г. Ч. II, стр. 369.
35. Von den Steinen, O. c. p. 300.
36. Сочинения Толстого, издание 1913 г., т. 17, стр. 27.
37. Andrew Lang. The Making of Religion, Preface, p. XVI.
38. Prof. I. N. Leuba. The several origins of the Ideas of Unseen, Personal Beings, «Folklore», Vol. XVIII, 1912, p. 160.
39. «Folklore», Vol. XXIII, 1912, p. 164.
40. В. Трощанский. Эволюция Черной веры у Якутов. Казань, 1902, стр. 33.
41. A. Skinner. Lenape, O. C. p. 19—20.
42. Mary Kingsley. Travels in West Africa, p. 442—3. Цитировано по статье I. N. Leuba, «Folklore», vol. XVIII, 1912, p. 163.
43. I. Shakspear. Lushei Kuki clans. Цитировано по статье I. N. Leuba.

Оглавление:

	Стр.
Предисловие	3
Введение	15
Глава I	21
Глава II	27
Глава III	34
Глава IV	45
Глава V	54
Глава VI	69
Глава VII	79
Глава VIII	89
Глава IX	106
Глава X	114
Примечания	119